Влада Ольховская

ХОЗЯИН ТИШИНЫ

Влада Ольховская

Хозяин тишины

«Влада Ольховская »

2019

Ольховская В.

Хозяин тишины / В. Ольховская — «Влада Ольховская », 2019

Ави стала единственной, кто сумел поладить с Полковником – капризным одиноким стариком, отпугнувшим не одну сиделку. За это она получила неожиданную награду: Полковник помог ей устроиться управляющей в необычный дом. Здесь живет человек, которого одни считают монстром, другие – гением, третьи – существом из иного мира. Ави предстоит работать его ассистенткой, ведь хозяин дома ничего не видит, и кто-то должен стать его глазами. Новая работа – это не только возможность наладить жизнь после жестокого предательства самых близких людей. Это, с одной стороны, серьезные испытания, встреча с избалованными жизнью мажорами, преступниками и сумасшедшими. А с другой – возможность поверить в чудеса и вернуть себе мечты, которые совсем недавно казались безнадежно разбитыми.

© Ольховская В., 2019
© Влада Ольховская , 2019

Содержание

Глава первая 5
Глава вторая 17
Глава третья 29
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Влада Ольховская
Хозяин тишины

Глава первая

И тут я поняла: сейчас этот старик или перережет мне горло, или спасет мне жизнь.

Такое уж у него было выражение лица, а меньшего от Полковника ждать и не приходилось. Он всегда был со странностями – и всегда считался опасным. Сложно подсчитать, сколько нервов он испортил другим девочкам, скольких довел до истерики. Я, честно говоря, тоже не рвалась работать с этим угрюмым типом. Но, во-первых, никто не давал мне выбора: я была младшей из сотрудниц и у меня хватало причин держаться за эту работу, потому что другой я могла и не найти. А во-вторых, я чувствовала определенную жалость по отношению к нему. Да, он был мрачным, злобным и хамоватым. И все же мне иногда казалось, что это просто от очень большого одиночества. Полковник никогда не говорил о себе, но у меня были все основания полагать, что жизнь у старика не сложилась.

Вот уже четыре месяца я была единственным живым существом, с которым он соглашался говорить. А точнее, практиковать свое сомнительное чувство юмора! За эти дни я, пожалуй, продегустировала все виды сарказма, иронии и язвительности. Опытным путем я установила, что лучше не огрызаться. Когда я пыталась что-то ему доказать, Полковник радовался, как ребенок, и начинал настоящую словесную баталию. Если же я помалкивала, он очень быстро успокаивался. Пару раз он даже пытался угостить меня чаем и конфетами, которые наверняка хранились в его квартире с тридцать второго года.

Иногда другие девочки спрашивали меня: как я это выношу? Как притворяюсь, что мне совсем не обидно? Но правда в том, что мне и правда было не обидно. Я о себе достаточно высокого мнения, чтобы не принимать на свой счет любую гадость. Есть, конечно, в мире люди, которые могут задеть и ранить меня – некоторые этим правом, увы, воспользовались. Но полубезумный старик, ненавидевший весь белый свет, определенно не входил в их число.

Так вот, за эти четыре месяца я привыкла к тому, что Полковник встречает меня или угрюмым ворчанием, когда у него плохое настроение, или пошловатыми шуточками, когда хорошее. А сегодня… Сегодня он молчал. Он даже не открыл мне, когда я позвонила в дверь!

Я, понятное дело, испугалась: человек-то старый, и социального работника ему назначили не просто так. У меня был ключ от его квартиры, я открыла дверь, поспешила внутрь и обнаружила Полковника на кухне. Он стоял у окна и крутил в руках большой мясницкий нож. Он смотрел на меня молча, не мигая, будто я была малолетней уголовницей, а он – самым строгим судьей в мире.

Вот тут я и поняла, что сегодня что-то случится. Нет, скорее, не поняла, а почувствовала, и это было очень странно. Я замерла перед ним, не двигаясь с места, даже дыхание зачем-то задержала. Что-то подсказывало мне, что, если он захочет на меня напасть, я не убегу. Полковник был старым и измотанным десятками болезней, однако сейчас в его распрямившихся плечах, в гордо поднятой голове, в ясном взгляде все еще угадывался человек, который был своим на поле боя.

Да, он мог меня убить. Но я с удивлением обнаружила, что не так уж меня это и пугает. Докатилась! Моя жизнь превратилась в такие жуткие руины, что я даже перед лицом смерти не готова была держаться за них. День откровений просто…

Но это не значит, что я *хотела* умереть, так что на Полковника я не бросалась. Я просто ждала.

Наконец он с силой вогнал нож в деревянную разделочную доску, и от громкого удара я невольно подпрыгнула. Полковник засмеялся хриплым, невеселым смехом.

– Испугалась меня, да? – спросил он.

– Испугалась, когда вы дверь не открыли, Михаил Иванович.

Вот так его звали на самом деле – Михаил Иванович Кречетников. Но мы с девочками всегда называли его Полковником, и не только из-за его военного прошлого. Просто была у него совершенно армейская привычка коротко и громко отдавать приказы и никогда нас не благодарить.

– А за себя испугалась?

– За себя – не очень, – признала я.

– Вот и я вижу… Дура ты, что ли?

– Может быть.

– А может, и не дура, – заметил Полковник, окидывая меня очередным оценивающим взглядом. – Может, просто бедовая. Ты добрая, а добрые всегда бедовые, потому что мозгов у вас мало, а жалости – хоть отбавляй.

Мне не хотелось с ним соглашаться, но последние события моей жизни показывали, что он попал в точку.

– Сколько тебе лет? – поинтересовался Полковник.

– Двадцать два недавно исполнилось.

– Двадцать два – хорошие годы! Лучшие годы. Для меня они были лучшими – и я провел их как надо! А ты что же? Хоронишь себя заживо, подтирая задницу старикам.

Что я и говорила – он совершенно не умеет благодарить. Между прочим, ему я задницу никогда не подтирала, но с другими моими подопечными случалось всякое. Да, я была от этого не в восторге, я не из тех людей, которые готовы всех себя бросить на служение миру. Но в то же время, впадать в депрессию я в ближайшее время не планировала.

Я знаю, что у меня проблемы – и большие проблемы. Но я ведь еще жива, выжила после всего, что было, хотя другая на моем месте уже повесилась бы! Я кое-как устроилась, у меня есть работа, я еще могу что-то изменить. Поэтому я не собиралась устраивать покаяние перед стариком, который всех предыдущих соцработниц доводил до истерики. Со мной этот номер не прокатит! Даже если мне уже хочется плакать.

Я напряглась, опасаясь, что Полковник начнет выспрашивать, как я докатилась до жизни такой. Однако это его, похоже, нисколько не интересовало, старик был погружен в свои мысли.

– Я-то вижу, что ты на дне, – продолжил он. – Но в самой тебе нет подлости и даже достаточно глупости, чтобы потонуть самостоятельно. Значит, на дно тебя столкнули.

Это точно. Ногой под зад дали и еще камень на шею повесили.

– Давайте я приготовлю вам обед, – предложила я, стараясь сменить тему. Обсуждение моих бед радости мне не добавляло.

– Молчи! И слушай. Знаешь, кто ты для меня? Овечка.

– Подозреваю, что не только для вас…

– Глупая, но безобидная, доброе создание. Раньше я презирал вас, потому что считал слабыми, пылью под ногами. А теперь я вижу, что вы не пыль. Вы соль земли! Потому что хоть в ком-то в этом мире должно остаться хорошее.

Да что с ним такое сегодня?!

– Михаил Иванович, что случилось? – не выдержала я.

Он взглянул мне в глаза, и от этого взгляда у меня мурашки по коже пошли.

– Сегодня ночью я умер.

– Что?! – ужаснулась я.

– Не до конца, как видишь. Просто у меня был приступ удушья – страшный приступ, глупая ты девка. Я не мог сделать вдоха, сердце колотилось, и я уж думал, что оно взорвется. А я – один в темноте. Жарко, душно, страшно… Потом все прекратилось.

– Я отвезу вас к врачу!

– Молчи и слушай! – рявкнул он. Я замерла, словно нож, который он больше не трогал, и правда был прижат к моему горлу. – Потом смерть меня отпустила, но я понял: это мне последнее предупреждение. Не сегодня – так завтра заберет. Когда приступ прошел, я не мог пошевелиться, так устал от всего этого. Я лежал там, в кровати, и думал: а кто ж придет поплакать над моим трупом? Мне всегда казалось, что мертвец – это просто кусок мяса, который вот-вот начнет разлагаться. А как до меня очередь дошла, так не все просто оказалось! Я не хочу быть куском мяса. Я хочу, чтобы над моим гробом кто-то искренне плакал. Хоть один человек! Вот какие желания появляются в старости, глупая девка, а вовсе не стакан воды.

Я хотела утешить его, сказать, что до гроба ему еще как до Луны пешком, но я не могла. Полковник умен, он сумеет распознать очевидную ложь, она его не утешит, только разозлит.

Многие соцработники общались с врачами, выясняли, как дела у наших подопечных. Благодаря этому я знала, что Полковник не ошибается на свой счет. В семьдесят один год его организм был измотан, как у дряхлого столетнего старичка.

– Я приду на ваши похороны, – тихо пообещала я.

Что еще я могла ему сказать? Но ответом мне послужила лишь новая волна хриплого смеха.

– Конечно, придешь! Ты слишком добрая, чтобы не прийти, и плакать ты будешь по-настоящему, даже над злобным стариком. Но знаешь, что? Я не хочу только твоей жалости, я в жизни ни у кого жалости не просил! Я сделаю так, что ты запомнишь меня с благодарностью! Тебе нравится работать здесь? Честно говори, не мямли!

Четыре месяца назад я была очень благодарна за то, что нашла эту работу. Но… я не любила ее. Мне нравилось общаться со стариками и понимать, что я делаю что-то важное, однако на этом плюсы заканчивались. Платили мне мало, начальство воспринимало меня чуть ли не как рабыню, родня стариков, за которыми я ухаживала, частенько могла оскорбить. Все эти дочки, внучки и сыночки, которые не подходили к парализованному родственнику ближе, чем на пять метров, подозревали меня в корысти и попытках переписать на себя квартиру. Я работала шесть дней в неделю, иногда – по четырнадцать часов, а домой я приходила, чтобы немного отдохнуть и выплакаться в подушку. Хотя какое «домой»? Дома у меня не было, а с такими доходами он бы и не появился, да и жизни тоже не было. Мне казалось, что я попала в замкнутый круг, который никогда не разорвется.

– Не очень, – вздохнула я.

– Вот и я так подумал. По тебе видно, что ты умная, многое можешь. Вот такая странная штука: глупая девка, но умная. Понимаешь меня?

– Да.

Как ни странно, я его действительно понимала. В решающий момент своей жизни я, умница и отличница, оказалась доверчивой идиоткой.

– Вот и я говорю, – с довольным видом кивнул Полковник. – Когда я сам был молодой, я верил, что таким, как ты, нужно меняться или сдохнуть.

– Э-э… спасибо…

– Молчи! Слушай! Но потом я стал старым, а старость учит милосердию. Не меняйся! Оставайся даже глупой, если это помогает тебе быть доброй.

– Да не такая уж я и добрая…

– Хоть это у тебя есть! – фыркнул Полковник. – Я проверял тебя, как и всех. Но все сбежали, а ты осталась!

Ага, осталась, потому что у меня выбора не было. Хотя, если честно, я не воспринимала это ни как подвиг, ни как жертву. По-настоящему Полковник ни разу не сумел меня задеть. А теперь мне показалось, что это и правда было испытание, и мне полагается награда.

– Да, ты будешь плакать на моих похоронах, – добавил он. – Ты будешь потом вспоминать меня с благодарностью! Хоть кто-то будет. Но у тебя не останется выбора, потому что я изменю твою жизнь. Вам, глупым, нужно помогать. Жди здесь!

Я все равно не ушла бы, но он не стал дожидаться моего согласия. Полковник с поразительной для умирающего скоростью метнулся в коридор, а я, совершенно ошарашенная, осталась на кухне.

Я как раз раскладывала на столе продукты, когда он вернулся. В руках Полковник держал заклеенный конверт без марок.

– Держи! – объявил он. – Я не знаю, кто твою жизнь сломал. Но я ее починю!

Он протянул мне конверт, на котором его дрожащей рукой были выведены неровные строки адреса. Сам конверт, похоже, хранился у него не один год, а Полковник еще и какие-то грязные пятна на него поставил, поэтому выглядело его подношение жалко, и я не решалась его принять.

– Что это? – только и спросила я, не касаясь конверта.

– Твой билет в новую жизнь!

– А поподробней нельзя?

Как-то не прельщала меня жизнь, в которую отправляют с сальным конвертом.

– Бери! – настаивал Полковник. – Знаешь, что? Я всю жизнь жил так, как мне хочется, и я не жалею, потому что только это было правильно для меня. Но еще я вижу, скольких обидел, и таких вот глупых девок, как ты, тоже. Хороших девок… Бери, с меня больше причитается, чем я тебе даю.

– Просто скажите мне, что это такое.

В его выцветших глазах мелькнул гнев, и все же Полковник сдержался, не наорал на меня. Впервые на моей памяти сдержался, надо же!

Он ответил мне:

– Я не добрый, не как ты, и соглашался делать всякое, когда мне платили. Однажды мне заплатили за то, чтобы я убил демона, и я согласился. Но когда я его увидел, я просто не смог… Может, это и был демон, да только какой-то мелкий и жалкий! И я его отпустил. Я решил про это забыть, но он не забыл, тот демон. Скоро он купил мне эту квартиру и сказал, что я могу просить его о чем угодно, он исполнит любое мое желание в благодарность за то, что я его пощадил. Но я никогда ничего не прошу! Я сказал тебе. Ты думаешь, я соврал? Кречетников никогда не врет, запомни это!

– Запомню, – послушно отозвалась я.

Мне просто не хотелось его провоцировать. Похоже, дела Полковника были совсем плохи. Демона он отпустил, как же, а демон ему за это квартиру купил! В его сознании бред смешивался с реальностью. Хотя… Насколько мне известно, родных у Полковника нет и никогда не было, а квартиру ему все-таки кто-то купил: он переехал сюда лет десять назад, уже серьезно больным стариком. Впрочем, не думаю, что тут и правда потусторонние силы вмешались.

– Его обещание так и осталось неиспользованным… Но он может все, я знаю! Я не дарю тебе это обещание, потому что, кто знает, может, он за это душу заберет! Поэтому я сам загадаю желание, но загадаю за тебя, глупая девка, ты даже этого не сможешь. Пусть берет в оплату мою дырявую душу, а твою спасает. Вот оно, мое желание! – Полковник тряхнул у меня перед лицом конвертом. – Все тут, все, что я хотел ему сказать!

– Хорошо, я могу отправить ваше письмо почтой…

– Никакой почты! Сама пойдешь по адресу, который я тут написал, и передашь письмо.

– Но кому?

– Первому, кого встретишь, да хоть уборщице!

– Вы уверены, что это хорошая идея? – смутилась я.

Полковник и правда был уверен – во всем.

– Да! Он узнает, что я ему написал. Он же демон! Уж поверь мне, он все про то место знает, ведь оно принадлежит ему. Конечно, прямо к нему тебя не пустят, но он узнает, да… И, если у него есть хоть капля чести, он изменит твою жизнь, потому что я пощадил его. А теперь бери конверт, глупая девка!

Я действительно взяла конверт, однако не из согласия с тем, что я глупая девка, и не из-за надежды на демоническую милость. Просто Полковник был сильно взволнован, он заметно покраснел, он часто дышал. С его здоровьем такое крайне опасно, и я взяла конверт, чтобы он угомонился.

А потом день покатился по привычной колее, и казалось, что никакого разговора про демонов вообще не было.

* * *

На конверте значился адрес какой-то конторы в самом центре Москвы. Это была одна из тех фирм, которые занимаются не пойми чем, но с важным видом прикрывают это переписанными русскими буквами английскими словами вроде «консалтинг», «менеджмент», «аудит» и прочие размытые понятия. Я поискала в интернете, что это за компания, ничего толком не поняла, но убедилась, что мне туда лучше не соваться.

Вот только Полковник не желал принимать такую трусость с моей стороны. С тех пор, как он передал мне конверт, он не оставлял меня в покое. Каждая наша встреча начиналась с дежурного вопроса, отнесла ли я письмо куда надо. Чем больше времени проходило, тем больше старик злился и нервничал. Он, похоже, искренне верил, что какой-то придуманный им демон мне поможет!

Мне стало жаль его. Да, это был классический пример возрастного помешательства. Но ведь в основе всего лежало желание позаботиться обо мне! Этого давно уже никто не делал, и я решилась.

Я могла бы соврать ему, что все сделала, а конверт попросту выкинуть, да совесть не позволяла. К тому же, помешательство у Полковника чередовалось с периодами прояснения, а в такие периоды он определял ложь получше любого полиграфа.

Так что однажды я решила, что хватит бегать от собственного обещания. Решение это было спонтанным, поэтому я свернула к центру по пути от одной подопечной к другой. Это, конечно же, была плохая идея.

Я совсем забыла о том, что сейчас выгляжу как существо, которое в центре Москвы не очень-то любят и стараются обходить стороной – в надежде, что оно само уползет за плинтус.

Последние месяцы моей жизни были посвящены уходу за лежачими больными, уборке, готовке и побегам от соседских собак. Тут уже не до макияжа и вечернего туалета! Я дни напролет шаталась по городу в потертых джинсах, с растрепанными волосами, без косметики. Это было не столько ленью, сколько необходимостью: так я обращала на себя меньшее внимание со стороны нетрезвых любителей агрессивно пофлиртовать.

И вот в таком виде я приперлась в дорогущий бизнес-центр, на всю улицу сияющий чистейшими зеркалами. Ей-богу, на меня, по-моему, даже доставщики пиццы смотрели с осуждением! Я вся сжалась перед возмущенными взглядами и суровыми огоньками видеокамер, а на свое отражение в зеркале вообще старалась не смотреть.

Но я не отступила. Потому что я чувствовала: пережив этот позор, второй раз я уже не решусь, не приду сюда. Мне нужно было выполнить просьбу Полковника – его последнюю

просьбу! Сегодня вечером мне предстояло снова зайти к нему, и я надеялась, что уж теперь-то я смогу уверенно взглянуть ему в глаза и сказать, что все сделано.

К моему удивлению, охрана на первом этаже позволила мне подняться наверх, когда я назвалась курьером. Никто не вызвал уборщицу, чтобы меня смели веником и на совочке вынесли на улицу – уже хорошо! Решив не поддаваться всему этому снобизму, я гордо задрала голову и прошествовала в лифт.

Но на верхнем этаже меня ожидало куда более серьезное препятствие, чем дядьки-охранники: секретарша. Для нее имело значение все: мой наряд, моя прическа, мой маникюр, мой макияж, а точнее, полное отсутствие всего этого. Она просканировала меня за секунду, как робот, тут же наклеила на меня мысленный ярлык и дальше общалась со мной через презрительно поджатую губу.

– Что надо? – осведомилась она.

Эх, Полковник, во что вы меня втравили?

– У меня письмо.

– Кому?

Я понятия не имела, кому, и это делало мой авторитет в глазах секретарши еще ниже. Если у меня изначально был хоть какой-то авторитет в ее глазах!

Мне нечего было ей сказать, поэтому я просто достала письмо и протянула ей. Она приняла его двумя пальчиками и небрежно бросила на край стола. Думаю, она была бы и рада отправить его прямиком в мусорное ведро, но при мне не решилась.

Как странно… Эта девушка была примерно моей ровесницей. Она одевалась точно так же, как я до того, как моя жизнь сломалась, и даже хуже. Судя по всему, она зарабатывала не так уж много. Но она сидела в здании, где заключались многомиллионные контракты, она была здесь своей, и это позволяло ей чувствовать свою причастность к миру сильных и влиятельных. Поэтому я для нее была лишь комочком грязи, который каким-то образом научился открывать двери и ездить на лифтах.

– Это все? – процедила она.

– Да, спасибо!

– Можете быть свободны.

Эх, двинуть бы ей сейчас чем-нибудь… Но нельзя, нельзя. Тысячи лет цивилизации должны были научить меня решать споры переговорами, а не ударом в челюсть не понравившейся мне обезьяны.

В этом случае, моими переговорами было молчание. Я пережила свои пять минут позора и покинула этот глянцевый мир – как мне казалось, навсегда.

Полковник был рад услышать, что его поручение выполнено. Он даже назвал меня «не такой уж глупой девкой» – кажется, это было самое доброе, что он сказал мне за всю историю нашего знакомства.

Но не прошло и суток, как он слег. Мне позвонили посреди ночи и сказали, что его забрала «скорая». Он, еще недавно такой энергичный, словно держался из последних сил, ожидая, когда конверт окажется, где нужно. Но с этим письмом оборвалась последняя ниточка, связывавшая его с жизнью, и он готов был уйти.

Знал ли он, что его послание никто не прочитает? Что секретарша, скорее всего, избавилась от него сразу после того, как за мной закрылись двери лифта, а потом долго отмывала свои наманикюренные пальчики? Надеюсь, что не знал. Ему было легче уходить с верой в то, что он оставил после себя определенное наследие, я чувствовала это.

Я поехала в больницу, как только узнала, что с ним случилось, и все равно опоздала. Полковник умер за полчаса до моего приезда.

Мне было грустно – по-настоящему, и я плакала о нем искренне, как он и хотел. Не потому, что он мне помог; он мне, вообще-то, и не помог, в моей жизни ничего не изменилось.

Но он хотел помочь! Он, незнакомый, угрюмый, не знающий мою историю, надеялся что-то для меня изменить и защитить меня. Давненько никто к этому не рвался!

Я ожидала, что его похороны будут более чем скромными, но зря. Оказалось, что у Полковника был какой-то там особый счет, предназначенный для организации погребения. Я такого никогда не встречала, но на этот раз все сработало. У него был дорогой гроб, была целая бригада, которая отвечала за транспортировку, был священник, хотя я сильно сомневаюсь, что Полковник назвал бы себя религиозным человеком.

Не было только одного: толпы скорбящих. Когда гроб выносили из квартиры, вышли соседи, приехали девочки, которые с ним раньше работали. Но они поступали так скорее из вежливости, и я их не виню. Полковник не дал никому из них настоящих причин скорбеть о нем, для них он остался неприятным воспоминанием, человеком, от которого хотелось держаться подальше.

Но не для меня. В моем сердце его последняя воля пересилила любую обиду, которую я могла на него таить. Думаю, по сути своей Полковник был хорошим человеком, который зачем-то удачно это скрывал.

Днем начал накрапывать мелкий колючий дождик, и мне вдруг подумалось, что природа решила поплакать со мной за компанию над судьбой этого странного старика. Итого над его гробом плакали двое – на двоих больше, чем он ожидал.

Я была единственной, кроме сотрудников похоронного агентства, кто сопровождал гроб до кладбища. Когда его опустили в могилу, я робко бросила туда скромный букет подснежников, который принесла с собой, а потом, к моему удивлению, на кладбище доставили роскошный венок. Он был большой, больше меня, сделанный из живых роз, темно-бордовых, в этот пасмурный день смотревшихся почти черными. На венке было написано «Человеку, который остался человеком», но не было указано, от кого это, да и курьер, которого я попыталась расспросить, не знал, кто оплатил цветы.

На работе все были удивлены моим неожиданным для них горем из-за «старого маразматика», но отнеслись к нему с пониманием. Мне дали один выходной, – за свой счет, разумеется, иначе в нашем заведении не проявлялась даже доброта, – а уже на следующий день я вернулась к работе, от которой Полковник так отчаянно пытался меня спасти.

* * *

Прошло восемь дней после смерти Полковника, когда на меня вдруг обрушился телефонный звонок: меня приглашали в ту самую контору в центре Москвы. Да, ту, где даже зеркала стеснялись меня отражать!

Звонила секретарша – я узнала ее по голосу. Судя по тону, эта барышня была в шоке от того, что мне дозволено приползти в святая святых. Но как бы она ни кичилась своим превосходством, реальной роли в этой компании она не играла, ей даже не сообщили, зачем меня приглашают. Назвала время – и все, бросила трубку. Видимо, ушла плакаться своей маникюрше, что ее работа уже не так престижна, как раньше.

Я никак не могла поверить, что это происходит по-настоящему. Какое отношение одинокий больной старик мог иметь к этой элитной компании, расположенной так высоко, что их можно было в буквальном смысле считать небожителями? А с другой стороны, кто-то же купил ему квартиру и прислал на похороны цветы стоимостью в три моих зарплаты!

Ничего нормального тут не было, и я понятия не имела, идти мне или нет. Что я могу там получить? Новую порцию позора? Подозрительные вопросы? Я не важна для них, важен Полковник, а его я толком и не знала.

С другой стороны, что я теряю? Не я ли недавно жаловалась на то, какой бездарной и серой стала моя жизнь? Полковник действительно подарил мне то, что достается в наши дни

не каждому: второй шанс. А может, первый шанс на что-то, чего у меня еще не было! Когда ты на дне, твои риски не так уж велики. Я обязана была пойти на эту встречу хотя бы из уважения к памяти Полковника.

Вообще, чего я боюсь? Позора? Так его ведь просто избежать! Стесняться мне нечего, я не сделала ничего дурного, а уж хорошо выглядеть я умею.

Я учла все уроки, полученные при визите в сияющую зеркальную башню, и на этот раз подготовилась. Я надела дорогие туфли на шпильке, расшитое цветами платье – вещи из моей прошлой жизни, которые совсем уж неуместно смотрелись в моем новом более чем скромном жилище. Но я не дошла то той стадии отчаяния, когда я готова была бы распродавать одежду!

Я накрасилась, и это многое изменило. Надо сказать, что на внешность я не жалуюсь – я жалуюсь на цвет. Во мне его просто нет. То есть, его настолько мало, что ресницы сливаются с веками, брови – с бледной кожей лба, светло-розовые губы словно и не существуют, и издалека я представляю собой одно сплошное светлое пятнышко. Но хвала тому, кто изобрел косметику. С ней мое лицо наполнялось цветом, а вместе с ним и объемом: в итоге откуда-то появлялись точеные скулы, аккуратная линия подбородка, чувственные губы, и я уже ничем не напоминала мальчишку-газетчика из двадцатых годов прошлого века. Да, с макияжем всегда много мороки, но оно того стоит.

Волосы я перестала стричь, когда у меня стало не хватать денег на парикмахера: заплела в косу – и удобно. Но теперь я распустила их, позволила упасть на плечи золотистыми волнами. В конце концов, встреча закончится, а денег на парикмахера у меня по-прежнему не будет.

Мои усилия были вознаграждены уже с порога: секретарша меня не узнала, а потом, когда я объяснилась, еще долго отказывалась мне верить. Но ничего, я умею быть настойчивой – и гордой быть тоже умею. Я себя не на помойке нашла! Оказалась на помойке – это да, печальная правда моей жизни. Но начинала я не на дне!

Секретарша проводила меня в конференц-зал, и я понятия не имела, кого там увижу, она ничего не сказала мне. Прокурора, готового провести допрос? Военных сослуживцев Полковника? Группу акционеров, желающих сказать, что Полковник – тайный миллионер, завещавший мне свою долю?

Но нет, меня встречал всего один мужчина, и он мне не понравился с первого взгляда.

Он был высоким и очень худым, будто бы высушенным на солнце. Хотя нет, какое солнце? Его кожа была бледной, чуть ли не зеленоватой, и казалось, что о существовании солнца он даже не подозревал. В нем все было длинное, будто бы вытянутое: лицо, руки, ноги, пальцы. Его волосы были седыми, но, думаю, это была ранняя седина – мужчине было не больше пятидесяти. На его лице застыла вежливая улыбка, однако светлые глаза, разглядывавшие меня, были холоднее льда.

Мужчина был одет в очень дорогой деловой костюм, но мне вдруг показалось, что ему больше подошла бы форма какого-нибудь нацистского офицера.

– Здравствуйте, Августа Стефановна, присаживайтесь, – голос у него был неприятный, скрипучий.

Меня несколько насторожило то, что ему уже известно мое имя, но я велела себе не беспокоиться. Скорее всего, имя указал в своем письме Полковник, как же иначе? Хотя не думаю, что он знал мое отчество…

– Ярослав Мартынов, – представился этот гигантский богомол, занимая место напротив меня. – Я – один из совладельцев этой компании.

– Очень приятно.

На самом деле, мне было ни черта не приятно. Мартынов смотрел на меня так, будто искал на мне ценник, да еще и с указанием сезонной скидки.

– Вы знаете, зачем вы здесь, Августа Стефановна?

Если честно, я не очень люблю свое имя – особенно в сочетании с отчеством. Оно всегда вызывает слишком много вопросов. Не могу же я каждому объяснять, что папа мой был большой оригинал и что, судя по его собственному имени, это у нас семейное.

Но Мартынов был не тем человеком, с которым я хотела бы общаться дружески, поэтому я не стала его исправлять.

– Думаю, это связано с письмом, которое я принесла сюда чуть больше недели назад.

– Вы знаете, что было в том письме?

– Понятия не имею, я его не вскрывала.

Если мои слова и удивили Мартынова, то виду он не подал.

– Тогда что вам известно?

Я рассказала ему о разговоре с Полковником, который и оставил в моих руках это письмо. Мне нечего было скрывать, и я хотела, чтобы этот чудик понял: я не напрашивалась на визит сюда. Я вообще могла не приходить.

Когда я закончила, я ожидала, что уж теперь-то Мартынов пояснит мне, чего хотел Полковник. Но вместо этого моего собеседника понесло совсем не в ту степь.

– Вы знаете, чем занимается компания, в которой вы находитесь?

– Представляю весьма смутно, – признала я.

– Мы оказываем консалтинговые услуги. Проще говоря, помогаем другим людям строить их бизнес. Мы на рынке уже много лет, за это время мы стали одним из признанных лидеров не только в России, но и во всем мире.

– Рада за вас.

Что еще я могла сказать? Мне было все равно, чем занимается этот тип.

Мартынов не был задет моей иронией.

– Вы знаете, в чем секрет нашего успеха?

– Понятия не имею. Но что-то мне подсказывает, что сейчас я это узнаю.

– В таланте одного человека. Я занимаюсь организацией процесса, но те самые идеи, за которые нам и платят, разрабатываю не я. Этим занимается мой партнер, Владимир Викторович Гедеонов. Вам знакомо это имя?

– Нет.

Возможно, если бы я имела хоть какое-то отношение к бизнесу, я бы узнала это имя мгновенно, слишком уж велик был пафос, с которым Мартынов его произносил. Но я была недавней студенткой, а ныне – социальной работницей, и ни о каком Гедеонове я слыхом не слыхивала.

Мартынов, похоже, именно такого невежества от меня и ожидал.

– Ничего страшного, просто поверьте мне на слово: это уникальный человек. И, как многие гении, он эксцентричен. Иногда я понимаю его, иногда – нет. Например, я до сих пор не могу понять, каким образом он оказался связан с Михаилом Кречетниковым.

А вот это уже интересно. Мы вдруг вышли на Полковника, причем неожиданно для меня.

– Они были друзьями? – уточнила я.

– Это мне не известно, но его последнее письмо почему-то было воспринято Владимиром Викторовичем очень серьезно. Поскольку вы не знаете, что было в письме, я сообщу вам. Кречетников попросил дать вам высокооплачиваемую работу. Похоже, он верил в ваш высокий потенциал, и Владимир Викторович перенял эту веру.

Взгляд Мартынова яснее любых слов давал понять, что он о моем потенциале не такого лестного мнения. Я была смущена, и мне хотелось уйти, но вместе с тем, я не готова была так порадовать этого типа. Чувствовалось, что если я уйду, он будет в восторге: проблема исчезла сама собой!

Пока же он обязан был делать то, что ему не нравилось: раз меня позвали, он получил какое-то распоряжение насчет меня от своего напарника. Так что я была твердо намерена

сидеть до конца, отчасти – чтобы позлить его, отчасти – потому что я уже позволила себе скромную надежду, что обещание Полковника, возможно, сбудется.

– Я навел кое-какие справки о вас, это было необходимо для возможного трудоустройства, – обыденно заявил Мартынов. – Вам ведь всего двадцать два года, правильно?

– Да.

– И за всю свою жизнь вы работали лишь дважды: социальным работником, а до этого – в цветочном магазине. То есть, по-настоящему важной работой вы не занимались.

Ничего себе он справки навел! Похоже, кое-кто бесцеремонно порылся в моем прошлом. Если бы Мартынов произнес все это с укоризной, я бы, может, и сдалась стыду перед своими скромными достижениями. Но он снова говорил с презрением, а его презрение питало мою злость.

Злость – это не всегда плохо. Иногда она позволяет собраться и пинком загоняет под лавку страх.

– Свою работу по уходу за пожилыми людьми я считаю важной, – спокойно сказала я.

– Я не совсем то имел в виду, ну да ладно. И высшего образования у вас нет?

– Я училась на последнем курсе, когда меня…

– Есть или нет? – прервал меня Мартынов. – Печальные истории вашего прошлого меня, простите, не интересуют, их у каждой молодой женщины наберется с лихвой.

Вот ведь козлина!

– Нет, диплома о высшем образовании у меня нет.

– Видите, – тяжело вздохнул Мартынов. – И на что вы вообще надеетесь?

– Вы так говорите, будто я напросилась к вам на собеседование. Но это вы позвали меня, не забывайте.

– А вы с характером!

И на этот раз невозможно было понять, хвалит меня Мартынов или снова пытается задеть.

– Если вы что-то хотите предложить мне, предлагайте, – заявила я. – Или я вернусь на свою не слишком важную работу.

– Августа Стефановна, скажу вам честно: если бы решение было за мной, я бы вам ничего не предложил. С точки зрения кадровой политики, вы – ноль, пустое место, а рекомендация сумасшедшего старика для меня ничего не значит. К сожалению, Владимир Викторович предлагает вам вакансию, для которой вы, я уверен, совершенно не подходите.

И это он мне, прилично одетой и ухоженной, такое говорит. Если бы я пришла к нему в таком же виде, в каком принесла письмо, он бы просто лопнул от возмущения.

– Что это за вакансия?

Мой голос звучал спокойно и ровно, сейчас я была профессионалом. В этот миг я поняла, что у меня больше причин благодарить Полковника, чем казалось на первый взгляд. Именно он научил меня не срываться из-за обиды, не позволять себя задеть, оберегать свой внутренний мир от чужих нападок. Вряд ли старик преподал мне этот урок специально, хотя кто его знает? В любом случае, теперь я с легкостью выдерживала взгляд Мартынова.

В его глазах наконец-то мелькнул интерес ко мне – а может, мне просто показалось.

– Вам предлагается стать распорядительницей усадьбы.

– Не уверена, что правильно понимаю вас.

Вот так красиво у меня получилось намекнуть, что я понятия не имею, о чем он говорит. Что это за вакансия такая?

– Как я упоминал, у Владимира Викторовича не совсем обычный стиль мышления, который отражается на его образе жизни. В частности, он работает только из дома, а живет только в загородной усадьбе. Это особняк и прилегающая к нему территория. Естественно, поддерживать такое место в пригодном для жизни состоянии непросто, и владелец никогда не будет

делать это самостоятельно. Для такого существует штат прислуги. Однако Владимир Викторович терпеть не может любые хозяйственные вопросы, поэтому для общения с прислугой он нанимает отдельного человека. Вам повезло: буквально на днях эта вакансия освободилась, и ее предлагается занять вам.

– И что я должна буду делать?

Я не представляла, что такая работа вообще существует, от всего этого веяло каким-то девятнадцатым веком, боярами и крепостными крестьянами. Но Мартынов так раздражал меня, что перед ним я делала вид, будто в его предложении нет ничего особенного.

– Вы должны будете координировать работу всех слуг – горничных, поваров, садовников и так далее. У большинства сотрудников есть свои руководители, и общаться вам чаще всего придется только с ними. Ваша ключевая задача – решать все вопросы самостоятельно, чтобы Владимир Викторович не отвлекался от работы, это портит ему настроение. Но если все-таки потребуется его участие в какой-то ситуации, общаться с прислугой он будет только через вас. Вот, ознакомьтесь, здесь все условия – насчет финансовой стороны вопроса, коммерческой тайны и так далее.

Он протянул мне папку, до этого лежавшую рядом с ним. Там и правда все было расписано довольно подробно, а читать мне сейчас было тяжело: строчки плыли перед глазами, кровь гудела в ушах, я слишком сильно волновалась. Это была одна из самых странных ситуаций в моей жизни!

Мне предстояло поехать в эту усадьбу и жить там, помалкивать обо всем, что я вижу и слышу, управлять целым штатом сотрудников и получать за это очень неплохие деньги. Да что там неплохие, хорошие деньги, огромные деньги! Но это меня и смущало. Что если в эту сумму включены услуги, о которых в договорах не пишут? Неведомый гений Владимир Викторович был другом Полковника, а потому представлялся мне таким же угрюмым старичком. Кто его знает, что у него на уме? Что там вообще творится, в домах таких богачей?

Пока я читала все это и сомневалась, Мартынов наблюдал за мной:

– Мне кажется, вам нужно отказаться. Вы и сама понимаете, что у вас не хватит ни образования, ни опыта, ни способностей, чтобы играть такую важную роль. Откажитесь, избавьте от проблем и меня, и себя. Я начну подыскивать на эту должность нормального человека, а вам выплачу сумму, равную шести зарплатам, указанным в договоре. Что скажете?

Вот это и называется медвежья услуга, только Мартынов оказал ее не мне, а сам себе. Ему так не хотелось нанимать меня, что он не сдержался. Я, уже мысленно готовая уйти, только что получила подтверждение, что это настоящая вакансия, а не завуалированная работа проститутки.

Я понятия не имела, справлюсь я или нет. Даже сейчас, прочитав контракт, я слабо представляла, чем именно я буду заниматься, получится ли у меня, будут ли меня слушаться. Но Полковник не зря сказал, что я трачу свои лучшие годы непонятно на что – так оно и было! А вакансия от этого Владимира Викторовича, плохая или хорошая, могла, по крайней мере, разорвать замкнутый круг, вывести меня из колеи, хоть как-то обновить мою жизнь, которая стала похожа на болото.

Я получу новую работу, покину полусгнившую комнату в коммуналке и уеду из Москвы на юг, если информация в контракте верна. Неплохой старт, как ни крути!

Поэтому я достала из сумочки ручку и уверенно поставила свою подпись на всех документах. Мартынов смотрел на меня с такой нескрываемой тоской, будто я ему в душу плюнула.

– Будь по-вашему, – наконец кивнул он. – Хотя, подозреваю, скоро вы пожалеете об этом так же сильно, как я. Вы предпочитаете путешествовать поездом или самолетом?

– Самолетом.

– Хорошо, тогда завтра вам доставят билеты. Собирайтесь в дорогу, Августа Стефановна. Теперь, когда выбор был сделан, мне было удивительно легко и хорошо – давно такого не слу-

чалось! Я даже улыбнулась горюющему Мартынову, а в лифте насвистывала какую-то полузабытую песенку.

И только на выходе из здания я вдруг вспомнила, что Полковник, вообще-то, называл моего нового работодателя не другом, а демоном.

Глава вторая

Уж и не помню, когда я последний раз летала самолетом. По ощущениям – примерно тысячу лет назад, но это не слишком вероятно, правда? Я любила путешествовать, мне всегда нравилось ощущение того, что я наконец-то двигаюсь не так, как Земля, перемещаюсь в пространстве, и там, в конце пути, все обязательно будет по-другому.

«По-другому» бывало редко, разные страны похожи больше, чем кажется. Но путешествие все равно давало мне чувство свободы и усиливало желание жить дальше, узнать, что же еще таится в моем будущем. А потом мою жизнь сломали, и в будущее я начала смотреть с опаской. До недавних пор я была уверена, что нескоро попаду в самолет.

И вот – пожалуйста, судьба умеет делать сюрпризы. Я прильнула к иллюминатору и с детским восторгом наблюдала, как мы отрываемся от земли, как все, что только что было настоящим, – поля, леса, дороги, – превращается лишь в уменьшенный макет себя, очень условный, словно разукрашенный школьником в контурной карте. Все это было знакомым – картинка за стеклом, специфический сухой воздух салона самолета, красивые стюардессы с вежливыми, но порой вымученными улыбками. Мир путешествий не изменился – зато я изменилась.

Как я ни старалась, я не могла найти в себе былой беззаботности и ожидания чуда. Чудес не бывает, а я лечу далеко не на курорт. Поэтому мои мысли снова и снова возвращались к тому, что я уже сделала и еще собираюсь сделать.

Я вовсе не была уверена, что не совершила ошибку. Я не знала, что ждет меня впереди – возможно, издевательства или мучительная смерть! Знаю, знаю, не слишком вероятно, но после всего пережитого мое воображение было мрачным, оно рисовало самые страшные картины, порой – в стиле Босха. Что если этот дом и правда пристанище демонов? Невозможно даже представить, что там творится!

И до путешествия, и даже в аэропорту я пыталась найти информацию о Владимире Гедеонове. Но его словно и не существовало, даже всемогущий интернет ничего не знал о нем! Как такое возможно? Что это за гениальный консультант такой, который сам себя не рекламирует? Где его сайт, страницы в соцсетях, где тренинги и книги, где вся та мишура, которой обычно присыпают себя люди его профессии?

Гедеонов, судя по всему, не нуждался в этом. Даже больше: он делал все, чтобы этого не было. Такое молчание интернета дорого стоит! Всемирная сеть мгновенно подхватывает любой факт, любую сплетню, любое фото и бережно сохраняет весь этот хлам для потомков. Даже обо мне, ничего особенного не представляющей и удалившей все страницы в соцсетях, все равно было больше данных, чем об этом признанном гении! Получается, Гедеонов намеренно стирал все, что о нем писали?

А может, и не было никакого Гедеонова? О, эта мысль пугала меня больше всего! Я старалась избавиться от нее, но она держалась крепко, как сорняк, и в нее с удовольствием вгрызалось мое воображение. Мартынов представлялся мне извращенцем, который узнал, что я совсем одна и за меня некому заступиться, и сослал меня в какой-то отдаленный бордель до скончания времен! Моих времен, разумеется, планета-то меня переживет. Возможно, он и был тем самым демоном, о котором говорил Полковник. А что? Он похож на какое-то чудовище в дорогом костюме!

В общем, часы полета стали для меня не самыми приятными, и даже вернувшееся чувство свободы слабо их скрашивало. К моменту посадки я сидела, как на иголках, не представляя, что меня ждет дальше. Мартынов сказал, что в аэропорту меня встретят. Но кто, как? Нормальный человек или жуткий горбун в черном катафалке?

Меня определенно несло не туда в моих фантазиях, а успокоиться никак не получалось. Аэропорт был безопасен, здесь я еще с людьми, но не совершу ли я ошибку, покинув его и эту защиту? В общем, через ворота терминала я шла так, как иные восходят на эшафот.

А снаружи сияло солнце, в воздухе пахло весной и свежестью, люди, прилетевшие или дождавшиеся, смеялись и с удовольствием обнимали друг друга. Это был мир удовольствия, и меня здесь уже ждали – причем не с клеткой, хлыстом или мотком изоленты предсказуемого назначения.

Меня дожидался мужчина, державший в руках табличку с моим именем. И, должна сказать, он понравился мне так же быстро, как в свое время не понравился Мартынов. А что делать? Он был из той редкой породы людей, которые не могут не нравиться.

Он был высоким, но не слишком – чуть выше среднего. При этом природа подарила ему классическую мужскую фигуру, которую он явно усовершенствовал в спортзале: широкие плечи, плоский живот, узкие бедра, и все это – с великолепным рельефом мышц. Мышцы были, пожалуй, слишком объемными, и без спортивного питания тут не обошлось, но какая разница, если это все равно смотрелось гармонично? Лицо у него было круглое, с небольшим, однако и не слишком маленьким носом, широким ртом и теплыми карими глазами. Смуглая кожа намекала, что он давно уже живет на юге, волосы были угольно-черными, подстриженными настолько коротко, что казалось, будто они нарисованы у него на голове.

Мой провожатый не был голливудским красавцем, но это сочетание добрых, чуть ли не собачьих глаз, трогательно беззащитной улыбки и угрожающей груды мышц показалось мне таким удивительным, что я окончательно избавилась от страха. Инстинкты твердили мне: посмотри же на него, он хороший, чего ты паниковала? На загадочного Гедеонова работает не только бледный Мартынов, но и этот парень, а значит, все не так уж плохо.

Я подошла к нему и кивнула:

– Здравствуйте, похоже, вы ждете меня.

Он обвел меня недоверчивым взглядом – не подозрительным, а, скорее, удивленным, словно пришел сюда за хрустальной вазой, а получил вдруг воздушный шарик.

– Это вы – Августа Стефановна?

– Я. Но меня мало кто так зовет, чаще – Ави.

Вот что я не могла сказать Мартынову, потому что он был мерзким мучнистым червем, смотревшим на меня с презрением. А мужчине, стоящему передо мной, могла, и он это оценил – его улыбка стала шире.

– Ну надо же! Мне когда сказали, что надо Августу Стефановну встретить, я уже старушку намалевал! Слушайте, вы ж хоть не студентка?

– Уже нет.

Похоже, Мартынов, знавший обо мне все, ничего не рассказал другим сотрудникам Гедеонова. Это было первым и единственным, за что я могла его благодарить.

– А вы кто? – полюбопытствовала я.

Он хмыкнул и хлопнул себя по лбу, словно так надеялся запустить память.

– Действительно, где мои манеры? Никита Рощин, начальник охраны в поместье Владимира Викторовича.

Начальник охраны? Неслабо! Я-то думала, за мной пришлют какого-нибудь шофера! Или дворецкого… Если это поместье, должен же там быть дворецкий, правильно? Или дворецкий – это я? Если честно, я еще не до конца разобралась со своей будущей профессией.

В то, что Никита – начальник охраны, было проще поверить, чем в то, что я буду распоряжаться усадьбой. Он был старше меня, лет тридцати-тридцати пяти, самое время, чтобы дослужиться до чего-то серьезного. Но рядом с ним я все равно чувствовала себя спокойной, равной, уважаемой, и когда он предложил перейти на «ты», я с радостью согласилась.

– Ави, – повторил он, словно стараясь побыстрее привыкнуть к моему имени. – Мне нравится! Никогда не встречал девушек по имени Августа.

– Я, как ни странно, тоже.

– В августе, наверно, родилась?

– В январе, папа был оригиналом во всем.

Никита рассмеялся, и смех этот был даже приятней, чем его улыбка.

Он с легкостью подхватил мой массивный чемодан и повел меня через ряды машин. Что ж, катафалка тут не было, и это уже плюс, но не было и царского лимузина. Если честно, меня одинаково насторожили бы оба варианта. Я подозревала, что Никита и вовсе приехал за мной на своей машине, и мне было любопытно посмотреть, какая она.

BMW. Черный. Ну конечно. С одной стороны, это было по-своему логично: именно такая машина как нельзя лучше подходила Никите. А с другой, я уже была насторожена, потому что всегда считала, что водители BMW водят по каким-то своим, им одним известным правилам дорожного движения.

Хотелось бы, чтобы Никита меня удивил, но нет. Он вел именно так, как я и ожидала: резко, напористо, а временами и нагловато. Чувствовалось, что это не попытка впечатлить меня, он просто привык так водить и по-другому уже не умеет. Поэтому мне только и оставалось, что вжиматься в сидение – хотя мы летели на такой скорости, что меня порой туда попросту вдавливало. Иногда мы проходили в миллиметре от другой машины, и я испуганно зажмуривалась, ожидая неминуемого столкновения. Однако столкновения не было, и мы летели дальше. Честное слово, даже на самолете летать не так страшно!

Когда мы выехали за город, стало намного спокойней. В распоряжение Никиты отдали прекрасную трассу с ровным асфальтом, и хотя мы неизбежно приближались к горному серпантину, где мои нервы снова получили бы суровое испытание, пока что я могла передохнуть.

– Долго нам ехать? – поинтересовалась я.

– Со мной – часа три-четыре, – гордо ответил Никита. – А на какой-нибудь бабковозке можно и весь день протрюхать.

– Ого, далеко же он забрался!

– Ага, хозяин в этом плане со своими тараканами… Да и во многих других – тоже, к нему просто нужно привыкнуть.

Это «хозяин» резануло мне слух, я не привыкла, чтобы работодателя так называли. Впрочем, Никита произносил это без священного трепета, для него одно короткое слово просто было привычкой, так ведь гораздо удобнее, чем, как Мартынов, каждый раз лепетать «Владимир Викторович».

– Ты давно здесь работаешь?

Может, мне и полагалось расспрашивать о Гедеонове и его поместье, но мужчина, сидящий рядом со мной, интересовал меня куда больше. Что же до Гедеонова, то мне почему-то казалось, что я о нем все знаю, настолько ярким был образ, любезно предоставленный моим воображением.

– На хозяина? Лет десять уже… Нет, чуть меньше десяти, но близко, – отозвался Никита. Он тоже поглядывал на меня с интересом, и это льстило бы мне, если бы мы не неслись на скорости под двести. Сейчас мне гораздо больше хотелось, чтобы он следил за дорогой. – Он мне когда-то здорово помог, а потом дорастил до этой должности. Но тебе повезло, у тебя сразу работа не пыльная!

– Да уж, повезло… Значит, тебе нравится здесь работать?

– Еще бы! И тебе понравится.

– Откуда такая уверенность? – поразилась я. – Ты ведь меня совсем не знаешь!

– А дело не в тебе, без обид. Просто поместье – это такое место, где всем нравится. Я не мастак описывать словами, но когда увидишь, сама все поймешь.

– Может, там и красиво, только вот это все равно чужой дом…

– Какая разница? – удивился Никита. – Я, например, живу там почти треть жизни, другого дома у меня нет, и меня все устраивает.

Я не стала ему говорить, что не всем нравится занимать чужой угол. Гораздо больше меня заинтересовало то, что у Никиты тоже не было своего дома. Мне почему-то нравилось думать, что он очень похож на меня, а двум одиноким людям уже не обязательно быть одинокими.

Да, Никита ничего не сделал для меня и ничего не обещал. Но я оказалась одна, вдали от родного города, непонятно где. Мне необходимо было найти хоть какую-то поддержку, доказательство того, что я не вляпалась в большую беду. Мартынов для этого точно не подходил, он как раз был лучшим доказательством неприятностей, зависших над моей головой.

А вот Никита – другая история, в нем чувствовалась правильная беззаботность, и я тянулась к нему.

Мы добрались до горной дороги, и я чувствовала себя так, будто застряла на огромных американских горках. Чтобы отвлечься от перспективы закончить свою жизнь в каком-нибудь ущелье, я решила сравнить образ Гедеонова, который я нарисовала, с настоящим Гедеоновым.

– Слушай, а наш наниматель – он какой?

– Хозяин, что ли?

Дался ему этот «хозяин»!

– Ну да.

– Да нормальный. Когда привыкнешь к нему, вообще все круто.

– А с непривычки?

– Может нервировать сначала, – признал Никита. – Да и просто смотреть на него… Он… Короче, увидишь, говорю же, слова – не моя фишка!

Это я уже поняла, но осуждения не чувствовала. Похоже, Никита был из тех, кто привык делать, а не трындеть, и это меня вполне устраивало.

– *Я,* если честно, его побаиваюсь немного, – вздохнула я.

– Чего это? Придумала тоже! Хозяин – мировой мужик, нечего его бояться!

– Дело не в нем. Просто я получила эту работу почти случайно, и Мартынов сказал, что зря я согласилась…

– Этого хлыща даже не слушай, – прервал меня Никита. – Да, он любит на всех посмотреть так, будто он – английская королева, а мы тут все – овцы, которые нагадили ей на подол. Плевать! Он в поместье редко бывает, его несложно перетерпеть. У хозяина так: если ты хорошо выполняешь свою работу, у тебя все будет. Если не выполняешь, ты просто уйдешь, что тоже не страшно, лучше, чем торчать не на своем месте. Но у меня насчет тебя хорошее предчувствие, уверен, ты справишься!

– Спасибо, – смущенно улыбнулась я.

– Не-не, это не комплимент, говорю, как есть.

– Хотелось бы оправдать твое доверие, но я никогда не была руководителем…

– А я раньше не думал, что стану главным охранником! В жизни всякое бывает. Сначала тебе помогут – вот ко мне можешь обращаться с вопросами, к парням моим, они всегда ответят, это я тебе обещаю. Другие тоже будут тебя поддерживать. Хозяин – он не будет, этого не жди, он хочет, чтобы ты научилась. Ты научишься, и я буду рад, когда ты пройдешь испытательный срок и останешься.

Я почувствовала, что краснею – а моя светлая кожа легко это выдавала. Оставалось лишь надеяться, что сейчас Никита достаточно отвлечен дорогой, чтобы ничего не заметить.

– Там, в поместье, весело, – продолжил он. – Иногда – спокойно, иногда – такие вечеринки, что бразильский карнавал от зависти помрет, если узнает!

– Вечеринки? – удивленно переспросила я.

– Ага, а что такого? Хозяин там постоянно живет, что ж ему, без праздников обходиться?

– Это понятно, но не слишком ли он стар для вечеринок?

В моем сознании прообразом для Гедеонова стал Полковник. Если эти двое были друзьями, то логично предположить, что они ровесники, правильно? Так что в моем воображении Гедеонов был седым стариком, но не болезненным, как Полковник, а крепким и хитрым. Теперь же он трансформировался в пошловатого старичка-тусовщика в бархатном халате, со всех сторон окруженного полуголыми молодыми девицами.

Никита был знаком с настоящим Гедеоновым и не знаком с дедком из моего воображения, поэтому он изумился.

– Слишком стар? Сколько, по-твоему, ему лет?

– Около семидесяти, разве нет? – спросила я, уже предчувствуя, что говорю глупость.

– Почти, – невозмутимо отозвался Никита. – Тридцать семь.

– Ой…

– Откуда пришла цифра семьдесят, мне любопытно?

– От человека, который рекомендовал меня ему, – пояснила я. – Я думала, они были друзьями…

– Даже если были, это не обязательно значит, что они одного возраста! У хозяина бывают разные друзья, он в паспорт не смотрит… он вообще никуда не смотрит.

– Вот теперь мне особенно интересно услышать, что за человек такой!

Однако Никита, с его нелюбовью к словам, была неумолим.

– Говорю же, это бесполезно описывать. Мы скоро приедем, ты его сама увидишь и поймешь, почему я не смог ничего тебе рассказать.

* * *

Итак, я влюбилась с первого взгляда. Но не в Никиту, нет, по отношению к нему я пока чувствовала лишь крепнущую симпатию. Я влюбилась в поместье, в котором мне предстояло жить.

Когда Никита сказал мне, что мне здесь понравится, я решила, что это лишь дежурная фраза. Разве такое не всегда говорят человеку, который приезжает на новое место? Так что ничего особенного от своего временного дома я не ожидала.

Напрасно.

Бывают дома, которые строятся для пафоса – чтобы похвастаться перед соседями. Бывают дома, которые строятся абы как, лишь бы было, где жить. А бывают дома, идеально подходящие для жизни, и я впервые видела перед собой пример такого дома. Поместье было маленьким городком, где все было подобрано так идеально, с таким вкусом, что отсюда совершенно не хотелось уезжать.

Сам дом оказался двухэтажным и очень большим, построенным в выдержанном классическом стиле. Назвать его скромным словом «коттедж» язык не поворачивался: это была вилла, усадьба, особняк, что угодно, но не какая-то там загородная хатка. Однако при всей своей очевидной дороговизне, это место совершенно не напоминало замок, здесь не было ни башен, ни массивных колонн, ни гипсовых львов на крыльце. В усадьбе чувствовалась почти британская сдержанность, благородная красота, позволявшая творению рук человеческих гармонично дополнить ландшафт.

За домом просматривался роскошный сад, и мне не терпелось попасть туда, но пойти одна я бы не рискнула. Я все еще была тут чужой, да и потом, я могла банально заблудиться на огромной территории. Мне требовался провожатый.

Никита им стать не мог: ему нужно было вернуться к работе. Я ожидала, что меня примет Гедеонов – все-таки мне предстояло стать не последней сотрудницей в его доме! Но он даже

не потрудился выйти, вместо него меня приветствовала женщина лет шестидесяти в длинном старомодном платье.

Она чем-то напоминала мне бывшую школьную учительницу, но не злобную кикимору, с уроков которой хотелось сбежать, а добродушную, любящую, способную объяснить все на свете. От ее полной фигуры, от очаровательного лица, обрамленного вьющимися седыми волосами, веяло таким спокойствием, что рядом с ней я невольно расслабилась. При этом во всем ее существе чувствовалась нескрываемая гордость: она, как и Никита, ценила свою работу и была рада находиться здесь.

– Это Анастасия Васильевна, – представил ее Никита. – Все, передаю тебя в ее чуткие руки, а мне нужно бежать!

Не дожидаясь моего ответа, он и правда куда-то рванул, оставив меня и мою провожатую в огромном пустом холле. Мне от этого стало неуютно, но Анастасия Васильевна поспешила сгладить неловкий момент.

– Не бойтесь, дорогая, все будет хорошо. Вы, вероятно, волнуетесь из-за того, что у вас нет опыта.

Получается, кое-кому Мартынов все же сообщил подробности моей биографии!

– Не без того, – признала я.

– Ничего страшного, опыт приходит, это дело наживное. Зато у вас есть энергия юности, и, если вы полюбите свою работу и будете посвящать ей всю себя, этого будет достаточно.

Давайте я быстренько покажу вам дом – сначала основные комнаты, а потом вы здесь освоитесь.

Тут и правда было, на что посмотреть. За последние месяцы я привыкла к маленьким тесными квартиркам, иногда – очень темным, захламленным, грязным настолько, что я никак не могла отмыть их за отведенные мне графиком часы работы. Я даже научилась не замечать витавшие в них запахи, из которых самым безобидным был запах лекарств.

Поместье заметно отличалось от того мира. Здесь было светло и свежо, все вокруг дышало чистотой, мебель, стильная, очень дорогая, никогда не загромождала пространство, она, как и все вокруг, лишь служила удобству живущих внутри людей. В каждой комнате царил свой аромат, заданный роскошными букетами живых цветов, а возле кухни витали дивные запахи блюд, которые я никак не могла узнать.

Моя комната и вовсе была выше всех ожиданий. Она оказалась не слишком большой, но более чем достаточной для меня – меня, привыкшей к сырой норе коммунальной квартиры! Здесь стояла винтажная ореховая мебель, а кровать под воздушным балдахином и вовсе привела меня в восторг. Большую радость во мне, пожалуй, вызвали только огромные створчатые окна, выходящие на тот самый сад, который так восхитил меня.

Я вдруг поняла, что если бы я решила представить себе комнату мечты, то она выглядела бы именно так. Это было место, в котором хотелось просыпаться каждое утро и предвкушать грядущий день, а не смотреть на него с легкой опаской. Среди этого великолепия мой чемодан как-то терялся, казался неуместной деталью, которую хотелось поскорее убрать.

– Вам здесь нравится? – осведомилась Анастасия Васильевна.

– Очень!

– Рада это слышать. Да я по глазам вижу, что вам нравится – у вас очень выразительные глаза, Августа, это признак честной души. Вы поможете этому дому остаться таким же светлым и великолепным, но самой вам трудиться над этим не придется. Ваша задача – обнаружить проблему или задание и сообщить об этом кому-то из персонала. Если, например, проблемы с чистотой, сообщайте мне, я руковожу прислугой. Если проблемы на кухне, говорите с шеф-поваром, он там за все отвечает. У нас есть механики, охрана, садовники – весь штат, необходимый для такого большого хозяйства. Вы ничего не делаете сами, душа моя, и я надеюсь, что ваши ручки скоро заживут.

Я инстинктивно спрятала руки в карманы байки, хотя, очевидно, для этого было слишком поздно. Про маникюр я давно позабыла, и дело тут даже не в деньгах: просто когда постоянно ухаживаешь за больными людьми, убираешь, моешь, готовишь и так далее, ногти приходится остригать очень коротко, а кожа становится грубой и воспаленной.

Да я и без Анастасии Васильевны понимала, что я пока смотрюсь неуместно в этом доме – со своими гусиными лапками вместо рук, старыми кедами и заношенными джинсами. Но ничего, я это исправлю!

– Главные сложности в вашей работе, как я вижу, две, – продолжила Анастасия Васильевна. – Первая – быть достаточно расторопной и внимательной, чтобы первой отмечать и находить проблему. Вторая – быть достаточно дипломатичной, чтобы заставлять людей работать, не обижая их. Вы должны как можно реже обращаться к хозяину. Этот дом отныне ваша забота, не его!

Она что, тоже называет его хозяином? Какая дурацкая традиция! Я ей точно следовать не буду, не дождутся! Я пока еще не знала Гедеонова, но из-за того, что он объявил себя хозяином, мне и самой не хотелось лишний раз пересекаться с ним. Но раз именно это – одна из основных моих задач, все не так уж плохо, правда?

– Теперь пойдемте, я покажу вам сад.

Вот этого я и дожидалась!

Я безумно люблю растения, всегда любила. Мне рядом с ними спокойно, я их знаю, чувствую, понимаю. Мартынов раскопал, что я работала в цветочном магазине, и сразу же решил, что я уныло стояла за кассой. Хотя чего еще ожидать от такого сноба, как он? А ведь я была там флористом – я училась этому! Если честно, такое занятие было мне куда ближе, чем профессия экономиста, которую я изучала в университете.

Клиенты меня любили, руководство было в восторге, но этого оказалось недостаточно, когда со мной случилась беда – они побоялись, что мои неприятности распространятся на них, и вышвырнули меня на улицу, как какую-то собачонку. С тех пор у меня не было ни времени, ни возможностей наслаждаться красотой цветов.

Но этот сад определенно готов был вылечить мою душу. Здесь все было просто роскошным: каждое дерево, каждый куст, каждый цветок, даже самый маленький. Земля оказалась щедрой, погода – великолепной, и сад с готовностью дарил свое цветение людям, ухаживавшим за ним.

Впрочем, еще до того, как мы добрались до сада, я отметила, что по одну сторону дома находится большая парковка, по другую – изящный бассейн неправильной овальной формы, делающей его похожим на озеро. Интересно, можно ли мне плавать в нем, или это только для владельца дома и его гостей?

Я хотела спросить об этом Анастасию Васильевну, но позабыла обо всем на свете, когда мы все-таки добрались до сада.

Его естественной границей служила каштановая аллея. Деревья здесь были старыми, разросшимися, но вовремя подстриженными, а потому сохранившими правильную круглую форму. Они уже покрылись молоденькими листиками – такими нежными, что они казались светящимися. На ветвях сформировались грозди бутонов, которым очень скоро предстояло стать разноцветными свечами.

С одной стороны от аллеи раскинулся розарий – разные виды царских цветов, удивительным образом дополняющие друг друга. За ними просматривалась белая ажурная беседка, в которую мне отчаянно хотелось попасть, но сейчас было не до того. Анастасия Васильевна, привыкшая к этой красоте, не собиралась останавливаться, чтобы полюбоваться кремовыми лепестками цветов. Она шла по саду армейским шагом, то и дело бросая мне пояснения:

– Вот тут розы, следите, чтобы по дорожкам было удобно ходить, а ветки не цеплялись за одежду. Вон там сирень, декоративные камни рядом с ней не должны зарастать, за этим

тоже обязаны наблюдать вы. Тут скоро поставят статуэтки – подарок от друга нашего хозяина, проследите, чтобы они смотрелись гармонично и не портили пейзаж!

Да уж, не похоже, что мне придется скучать! Но растущий список обязанностей, как ни странно, меня не пугал. Напротив, меня радовала мысль, что я смогу каждый день обходить это великолепное место, что я даже буду влиять на него. Остатки тревоги, вызванной неизвестным мне *хозяином,* окончательно покидали меня.

В саду были обустроены большие площадки для спорта и отдыха, засеянные жесткой газонной травой – на такой можно танк припарковать, и ей ничего не будет. Судя по натянутым над площадками разноцветным фонарикам, здесь же проходили вечеринки, которые упоминал Никита.

С площадками соседствовали теннисные корты, в дальнем углу сада примостились теплицы, отданные цветам и травам.

– Здесь выращиваются растения для букетов, которые украшают дом хозяина, – пояснила Анастасия Васильевна. – Они обязательно должны быть свежими. Раз в неделю к нам приезжает флорист, она знает, что нужно делать, вы только должны проследить, чтобы она не упустила ни одну комнату.

А еще при усадьбе был фруктовый сад, который уже начал цвести, и воздух рядом с ним был полон непередаваемого медового аромата. Казалось, что владения Гедеонова безграничны, и лишь вдалеке смутно угадывались очертания забора, но и через него можно было пройти дальше, к близкому сосновому лесу.

Я, сама того не ожидая, попала в мечту. Еще в полете я была полна сомнений и скептицизма, а тут мне уже хотелось остаться. Почему нет? Растения, мир и покой – каждый день, общение с Никитой – очень даже возможно, встречи с хозяином – по минимуму, Мартынов почти не приезжает. А пока я наслаждаюсь жизнью, сумма на моем банковском счете растет, чем плохо?

Анастасия Васильевна вновь без труда угадала, о чем я думаю.

– Вижу, вам здесь понравилось, и это хороню. Важно, чтобы и вы понравились этому месту, Августа. Надеюсь, вы понимаете, какой кредит доверия вам выдан.

– Да, я понимаю, – смиренно подтвердила я. В этот момент она снова напоминала мне учительницу, объясняющую отличнику, почему с него будут спрашивать строже, чем с других.

– Это похвально. Не расслабляйтесь – но и не переживайте. Хозяин понимает, что привыкнуть к такому месту и узнать его не так просто. Первые две-три недели и я, и все остальные будем помогать вам. Мы возьмем на себя часть вашей работы, чтобы вы поняли, как она делается, вы будете скорее ученицей, чем исполнителем. Но дальше, Августа, все зависит от вас, вы или научитесь справляться самостоятельно, или навсегда покинете поместье.

В контракте на испытательный срок мне было отведено три месяца, однако Анастасия Васильевна только что дала мне понять, что на адаптацию мне дадут гораздо меньше времени. Что ж, это хотя бы честно.

Если бы она поставила такие условия, когда я приехала, до того, как я увидела это место, я бы, может, и возмутилась. Но теперь, когда я узнала про все трофеи, замаячившие на горизонте, я готова была пойти на многое, лишь бы остаться здесь.

* * *

Гедеонов не спешил знакомиться со мной. Я все ожидала его приглашения, но не получила его ни на следующий день, ни еще через один. Похоже, Никита недооценил размер тараканов, водившихся в голове у этого типа! Я даже не видела его, только знала, в какой части дома он сейчас находится.

Справедливости ради, стоит признать, что он постоянно был занят. В будние дни машины валили к поместью косяком, иногда даже собирались очереди. К Гедеонову приезжали очень разные люди: от пузатых дядечек в дорогущих костюмах, которых я и ожидала тут увидеть, до молодых мамаш с младенцами на руках. С младенцами! Эти-то что здесь забыли? Но всех их Гедеонов принимал в своем кабинете, к которому прислуге даже близко подходить не дозволялось.

Некоторые гости после разговора с ним выходили мрачнее тучи, другие веселились. Я хорошо запомнила молодую женщину, которая прибыла в поместье в слезах, а уезжала, улыбаясь и глядя на небо. Я все меньше понимала, чем именно занят Гедеонов, что за консультации он дает.

Но я в это не лезла, да и не хотела лезть. Мне было слишком хорошо! Человек способен на многое, если дать ему правильную мотивацию, а мне ее дали с лихвой. Все мои дни были посвящены изучению поместья: я бродила по открытым для меня комнатам, изучала тропинки, знакомилась с людьми, работающими тут. Понять, куда мне можно, а куда – нельзя, было несложно: Никита выдал мне магнитную карточку, пропуск, и все комнаты, двери которых она открывала, были моей территорией.

Да, двери в этом доме открывались пропуском, и это было не просто данью современным технологиям. По ключу невозможно понять, кто и когда был в комнате, ключи у всех одинаковые, а вот по пропуску – легко. Видеокамер в поместье не было, и пропуски служили лучшим доказательством и вины, и невиновности при любой проблеме.

Я постепенно осваивалась в поместье, и хотя справляться со своими обязанностями без посторонней помощи у меня пока не получалось, я уже чувствовала, что смогу, рано или поздно я научусь. Должна научиться! После того, что я видела здесь, я была не готова вернуться к своей прежней жизни. Там у меня не было никого и ничего, а здесь был этот райский сад – и был Никита, которому я, похоже, понравилась не меньше, чем он мне. Это льстило мне и внушало новые надежды.

Я решила, что Гедеонов выждет испытательный срок и только потом поговорит со мной. Разве это не логично: зачем запоминать имя прислуги, которая, возможно, не останется в его доме? Но нет, я поторопилась с выводами. Через десять дней после моего приезда Анастасия Васильевна с непонятной торжественностью сообщила, что хозяин готов к беседе.

Он не позвал меня в свой кабинет, видимо, я еще не доросла до допуска туда. Мне было приказано явиться в сад. Когда я пришла, он уже стоял в розарии, в белой беседке, спиной ко мне, и, как мне показалось, наблюдал за цветами.

Так я впервые увидела того, кого здесь благоговейно называли хозяином. Он ходил вовсе не в стеганом халате и не в королевской мантии – я иногда, забавы ради, представляла его таким. Но нет, настоящий Гедеонов был куда приземленней, он носил классические джинсы и черную рубашку спортивного кроя. Он сейчас был у себя дома, зачем ему наряжаться?

Гедеонов все еще не поворачивался ко мне, и пока я могла лишь оценить его фигуру. Он был высоким, намного выше меня, и подтянутым, очевидно тренированным, но не таким мускулистым, как Никита. У него была золотистая кожа, чуть тронутая загаром, и аристократичные руки с длинными пальцами. Стильно подстриженные волосы были любопытного светло-рыжего оттенка – на грани темного золота и меди. Их уже тронула седина, но пока – легкой россыпью, которую он, казалось, мог стряхнуть одним движением.

– Здравствуйте, Августа Стефановна, – обратился он ко мне. Голос был приятно низкий и как будто вкрадчивый.

– Здравствуйте, Владимир Викторович.

Я замерла в ожидании: как он отреагирует? Я опасалась, что сейчас он скажет что-нибудь вроде «Эгей, женщина, меня тут все называют хозяином, и ты давай, не выпендривайся!» Но нет, Гедеонов продолжил разговор как ни в чем ни бывало.

– Как вам здесь нравится?

– У вас очень красивый дом, сад просто бесподобен, – ответила я. Тут я могла не кривить душой.

– Рад это слышать. Думаю, не нужно объяснять, что все это должно таким и остаться под вашим началом?

– Мне это уже объяснили раз двадцать.

– Пока, похоже, объяснения действуют. Вами все очень довольны, особенно Анастасия Васильевна.

– Анастасия Васильевна, по-моему, такой человек, который найдет хорошее даже в серийном убийце, – не сдержалась я. В моих словах не было иронии, Анастасия Васильевна мне действительно нравилась.

Я понятия не имела, можно ли мне шутить при Гедеонове, как он отреагирует. Может, обидится? Но нет, он только фыркнул:

– Это точно. Но вас она оценила на пятерочку – она по-прежнему оценивает людей по старой привычке.

– Мне уже можно быть польщенной или пока рано?

– Рано, – указал Гедеонов. – Вы пока не проявили себя. И все же ваши результаты достаточно хороши, чтобы мы с вами познакомились. Рано или поздно вам придется обратиться ко мне, это неизбежно, такая работа. Поэтому я решил, что для начала вам было бы неплохо научиться разговаривать со мной вот так, наедине, а не подвиснуть, впервые обратившись ко мне при посторонних.

– Научиться разговаривать с вами? – удивленно повторила я. – А что, это такая большая наука?

– Наука не наука, а привыкнуть надо.

Он наконец повернулся ко мне, и даже в предзакатных сумерках мне хватило одного взгляда, чтобы понять. Вот, значит, как… Вот о чем говорил Гедеонов, вот о чем говорили ускользнувшие от Никиты слова, укрывшиеся за коротким «Это надо видеть», вот о чем говорило чуть ли не религиозное почтение Анастасии Васильевны.

Нет, Гедеонов не был уродом – даже не приблизился к этому. У него было тонкое лицо, в его чертах сквозило что-то хищное, лисье, под стать рыжеватым волосам и золотой коже. У него были высокие скулы, четкая линия подбородка, прямой нос, высокий лоб, правильные линии бровей, которым и женщина позавидовала бы, и длинные темно-рыжие ресницы. Но глаза – вот где таился подвох!

Его глаза были слепыми. Их закрыли два плотных бельма, из-за этого казалось, что взгляд Гедеонова затянут густым туманом. Через эту болезненную пленку я могла смутно различить, что природа, должно быть, задумывала его глаза зелеными и очень красивыми, но потом что-то пошло не так. Эти мертвые глаза затеняли собой его безусловную привлекательность, пугали на каком-то странном, подсознательном уровне, и я почувствовала, как на моей коже появляются мурашки.

При этом ничто не указывало на слепоту Гедеонова – кроме очевидной травмы его глаз. Он не носил темные очки, при нем не было белой трости. Из-за этого я даже засомневалась: а может, он все-таки что-то видит? Но нет, глаза за белой пеленой оставались неподвижными, они не смотрели на меня – и на весь мир.

Однако если взгляд его был мертвым, то лицо – живее некуда. У Гедеонова была мимика настоящего актера, ему не нужно было говорить, чтобы передать, что он чувствует. И по его ироничной усмешке я догадалась, что он прекрасно знает о мурашках на моей коже, даже не видя их.

Похоже, он не снимал очки специально перед этой встречей, он их просто не носил. Гедеонов прекрасно знал, какое впечатление он производит на людей, и этот хладнокровный шок был ему милее жалости к калеке.

– Ну как? – поинтересовался он. – Хватило?

Я только сейчас поняла, что уже несколько минут разглядываю его молча. Я просто не могла вымолвить ни слова! Но его голос словно разбудил меня, и я взяла себя в руки. Опять же, спасибо Полковнику: без его школы я не смогла бы вот так себя контролировать, а теперь мой ответ звучал спокойно и ровно.

– Да, Владимир Викторович. Благодарю вас за то, что предупредили меня.

Мои слова, похоже, удовлетворили Гедеонова, он с довольным видом кивнул.

– Вы сообразительны, Августа Стефановна, это мне нравится. Я могу говорить с вами прямо, не тратя времени на словесные кружева?

– Да, я бы предпочла такой вариант.

– Хорошо. Сейчас у вас за спиной маячат две рекомендации – хорошая и плохая. Хорошая – от человека, которого я едва знал, но которому был должен. Плохая – от моего партнера, которого я знаю много лет. Он считает, что вы бездарны и вам здесь не место. Вас это задевает?

– Нисколько.

Я и правда не была задета. Свои поджатые губки Мартынов может оставить при себе – а я прекрасно знаю, кто уже наговорил про меня гадостей.

– Почему вас это не задевает? – спросил Гедеонов.

– Потому что ваш напарник, – рискну предположить, что речь идет о Ярославе Мартынове, – не знает меня. Он судит меня по единственной встрече.

– Он неплохо разбирается в людях.

– Это я бы поставила под сомнение. Ему хватило моего возраста и внешности, чтобы признать меня негодной.

– Вот, значит, как вы считаете? – фыркнул Гедеонов. – Ладно, не без оснований. Тогда у меня для вас хорошие новости. Мне безразличны обе рекомендации. Я не вижу вашу внешность, я не знаю ваш возраст, я слышу только ваш голос. Мне этого хватит с лихвой. Так или иначе, вы получили шанс испытать себя на этой работе. Вы входите сюда с чистым счетом: мне все равно, как вы выглядите, чем занимались раньше, что привело вас сюда. Вас будут судить только по вашей работе. Это понятно?

– Это естественно.

– Хорошо, тогда дальше. Я не знаю, что написано в вашем контракте, я его не читал – у меня вообще с чтением не очень, как вы могли догадаться. Но я гарантирую вам одно: вы остаетесь в этом доме, пока выполняете пять простых правил.

– Каких же?

– Первое и главное: вы не должны меня касаться. Никогда и ни при каких обстоятельствах. За нарушением этого правила может последовать немедленное увольнение. Ясно?

«Очень надо мне тебя лапать» – хотелось ответить мне. Но я выразилась куда вежливей:

– Конечно, Владимир Викторович.

Что ж, изнасилование мне, похоже, не грозило.

– Второе: вы должны являться по первому моему требованию. У вас ненормированный рабочий день, случиться может всякое. Я не против вашего отдыха, личных увлечений и общения с другими людьми. Но если я вас зову, вы должны все бросить и идти. Не бойтесь, это не будет происходить слишком часто – возможно, это не произойдет никогда. Однако это должно быть оговорено и усвоено.

– То есть, мне нельзя покидать дом?

Он ненадолго задумался, потом покачал головой:

– Нет, дом покидать можно, вы не в клетке. Но постарайтесь не делать этого слишком часто и всегда предупреждать Фролову.

– Кого?

– Вам она известна как Анастасия Васильевна, – отозвался он. – Третье правило очевидно: вы справляетесь со своей работой. Мне все равно, как, это уже на ваше усмотрение, мне важен результат. Четвертое – вы стараетесь не говорить со мной. Задавать вопросы, не связанные с работой, вам запрещено.

– Хорошо.

Не очень-то и хотелось.

– И, наконец, пятое: иногда мне нужна тишина, и это тоже будет вашей обязанностью. Когда я прошу вас об этом, вы должны добиться абсолютной тишины. Выключайте всю технику, переобувайте всех цокающих шпильками дам в тапки на мягкой подошве. Опять же, мне не важно, как вы это делаете, мне важен результат. Думаете, вы справитесь?

– Я сделаю все, что от меня зависит, Владимир Викторович.

– Хорошо, тогда мы сработаемся.

Он направился прочь из беседки, больше ничего от меня не требуя, а я стояла среди роз и смотрела ему вслед. Я пыталась для себя определить, какие впечатления оставила у меня встреча с Гедеоновым.

С одной стороны, он мне не понравился – это очевидно. Не так сильно, как Мартынов, но хозяину поместья определенно досталось почетное второе место. Он был высокомерным, властным и избалованным деньгами.

Но в то же время, он восхищал меня – тем, как справлялся со своим состоянием. Его движения были уверенными, пружинистыми, в его теле таились сила и грация, которые он, казалось, едва сдерживал. Уж не знаю, как, но Гедеонов не просто примирился со своей слепотой, он ужился с ней, он не позволил ей сковать себя.

И это поднимало его в моих глазах выше, чем любые деньги.

Глава третья

Моей главной проблемой, этакой Спартой, до конца державшей оборону, стали горничные. Они в большинстве своем были немногим старше меня, но это их и смущало. Им казалось, что мое назначение на эту должность – всего лишь недоразумение. Этим красавицам хватало такта улыбаться и кивать при встрече со мной, да и то их дружелюбие было не слишком убедительно. Если им не нравились мои поручения, горничные попросту пропускали их мимо ушей.

Естественно, это меня возмущало – и подставляло, ведь получалось, что я не справляюсь со своими обязанностями. Я шла жаловаться Анастасии Васильевне, она устраивала им разнос, вставляла черенок от швабры в известное место, и они послушно отправлялись работать. Беда в том, что такое повторялось каждый раз. Они принимали приказы только от нее, меня как будто не было. Тогда я и поняла, что похожа на школьника, которого дразнят маменькиным сынком, а он из-за этого бежит жаловаться мамочке. Горничные презирали меня за то, что я была бесхребетной малолеткой, и я давала им все козыри, когда просила о помощи кого-то еще.

Это нужно было прекращать. Очень легко быть хорошей для всех, всем все позволять и делать одолжения. Но тогда и сама не заметишь, как поселишься рядом с половой тряпкой! Горничные меня презирали, а я зачем-то рвалась получить их симпатию. Зачем? Пусть злятся на меня – всем другом не станешь! Главное, чтоб работали.

Поэтому я однажды попросту собрала их всех в одной комнате.

– Я понимаю, что я вам не нравлюсь, – заявила я, прохаживаясь перед ними. – По разным причинам, но многие из них на поверхности. Знаете, что? Мне как-то все равно. Я устала играть в доброго полицейского и находить для вас оправдания. Эта работа важна для меня, и я намерена удержаться на ней любой ценой. Если этой ценой станет увольнение кого-то из вас – пожалуйста, главное, чтоб не мое. Я собрала вас здесь, чтобы вы поняли: это последнее предупреждение, я хочу быть с вами честной. Или вы работаете, как надо, или мы с вами прощаемся.

Я понятия не имела, хватит ли им этой простой и, в общем-то, банальной речи. *Я* действительно была готова уволить любую из них, чтобы остальные извлекли нужный урок. А они, видимо, почувствовали мою решительность и наконец-то сообразили, что могут нарваться. Уж не знаю, что они говорили за моей спиной, но при встрече они были сама любезность, я для них стала исключительно Августой Стефановной. В этот же период кто-то пустил слух, что я – немка, и я эту байку не опровергала, потому что она каким-то необъяснимым образом придавала мне авторитета в их глазах.

Образу Августы Стефановны приходилось соответствовать. Мои удобные кеды и джинсы были отложены в дальний угол шкафа до лучших времен, на работе я появлялась исключительно в платьях, туфлях и при макияже. Мне это не слишком нравилось, но я воспринимала это как часть моих обязанностей.

Я не верю, что профессионала можно и нужно судить по внешности. Увы, сторонников у этого убеждения не так много. Люди все равно смотрят, оценивают и вешают ярлыки. А мое положение было уязвимо из-за возраста, поэтому я старалась уравновесить то, что изменить не могла.

Это давало свои плоды. Персонал меня уважал, а Никита будто бы случайно все чаще попадался на моем пути. Мы ни о чем не договаривались, однако, когда я приходила в столовую на обед и ужин, он уже был там – приходил за минуту до меня. Какая встреча! И ты здесь? Надо же, как совпало!

Я прятала улыбку и делала вид, что верю в такие случайности.

Хотя времени на общение у нас было немного. Я стремилась проявить себя, поэтому уделяла работе все свое время, с перерывами на сон. Да и у Никиты забот хватало, не так-

то просто оберегать столь обширную территорию! Я бы не отказалась узнать его поближе и убеждала себя, что, когда я освоюсь, станет легче.

А вот с Гедеоновым мы больше не виделись после того разговора в саду. Решив удержаться на этом месте, я пообещала себе не просить его помощи. Это было делом принципа! Я помнила, как холодно и жестко он продиктовал мне свои правила. Он хочет, чтобы это было исполнено? Да пожалуйста, я со всем справлюсь сама!

Так что я наблюдала за ним издалека, привыкала к нему, как к этой работе, как к этому дому. Меня по-прежнему поражала легкость его движений, и я никак не могла понять, как он это делает. Он был слепым, полностью: я даже решилась спросить об этом Анастасию Васильевну, и она с печалью все подтвердила. Однако он никогда не пользовался тростью, никогда не ощупывал руками пространство перед собой. Иногда он замирал, чуть склонив голову на бок, и тогда я понимала, что он прислушивается. А потом он продолжал движение, как ни в чем не бывало.

Он никогда не носил очки, и я укрепилась во мнении, что он просто наслаждается контрастом. Он делал свою слепоту пугающей, а не вызывающей жалость, он будто противопоставлял ее своему безупречному телу и очевидной физической силе. Да он двигался грациозней, чем я! Гедеонов словно бросал всем нам вызов, который мы не собирались принимать.

А еще он очень много работал. Не проходило и дня, чтобы к нему кто-то не приехал – и это всегда были богатые люди. Да что там богатые, знаменитые! За то время, что я работала в поместье, я видела здесь известного политика, семейную чету актеров, спортсменов, музыкантов, художников – всех тех, кого раньше наблюдала лишь по телевизору. Они приходили к Гедеонову и спешили поздороваться с ним первыми, они склоняли перед ним голову и заметно тушевались под его невидящим взглядом. А он принимал их с достоинством царя, которого изгнали из империи, оставив в его владении лишь жалкий островок. Но уж на этом островке он был истинным повелителем, властным и высокомерным даже с теми, кто, как мне казалось, стоял выше него.

Гедеонов провожал их в свой кабинет, двери запирались, и никто из нас, обитателей поместья, не знал, какие разговоры там ведутся. Гости могли выходить оттуда счастливыми или печальными, восторженными или недовольными чем-то, однако это недовольство никогда не распространялось на самого Гедеонова, только на то, что он говорил им. Его они чуть ли не боготворили.

Я понимала, что это не совсем нормально: не может один бизнес-консультант быть одинаково полезен таким разным людям. Я пыталась угадать, что Гедеонов способен им дать, но всякий раз терпела поражение, а спрашивать о таком напрямую я не решалась. В конце концов, я смирилась с неведением. Его дела меня не касались, у меня были свои!

За месяц, проведенный в поместье, я окончательно освоилась тут и полюбила это место. Да, у этой работы были недостатки – как и у любой другой. Конфликты с персоналом, сплетни за моей спиной, косые взгляды, правила и ограничения. Но все это перевешивалось преимуществами, главным из которых был сад – мой день начинался и заканчивался взглядом на это удивительное место. Сразу после сада в списке моих интересов шел Никита. В период моего привыкания к роли большого босса нам только и оставалось, что вести светские беседы и бросать друг на друга многозначительные взгляды. Однако я надеялась, что скоро мы начнем общаться поближе. Намного ближе!

Словом, у меня все было хорошо – а потом одна ночь перечеркнула это.

Я проснулась, когда за окном было совсем темно. Ночи в преддверии лета короткие, поэтому такая тьма обычно сгущается в три-четыре часа, а потом начинает медленно переходить в рассвет. Для меня это было непривычно: в поместье я спала так крепко и спокойно, как не спала даже в детстве. Получается, меня что-то разбудило… Вот только что?

Я замерла в постели, вглядываясь в темноту, прислушиваясь даже к самым легким звукам. В моей комнате не было никого, кроме меня, – уже хорошо! Да и дом, похоже, продолжал мирно спать: из-под моей двери не пробивалось ни лучика света. Но что тогда произошло? Кошмар? Почему же я его не помню?

А потом звук повторился – словно желая оправдать мое воображение, подтвердить, что мне не чудится. Он доносился из сада, совсем легкий, но это и понятно: деревянные рамы давали великолепную звукоизоляцию.

Не зная, что и думать, я накинула легкий халат и подошла к окну.

В саду никогда не было совсем темно, даже ночью он оставался великолепен из-за сложной системы гирлянд, фонариков и светодиодов. Однако подсветка была организована так грамотно, что до второго этажа ее сияние не долетало, и она никому не мешала спать.

Теперь же эта подсветка позволила мне разглядеть темную фигуру, метавшуюся среди почти отцветших каштанов. Я, естественно, не могла различить лицо человека, да и не думаю, что оно было бы мне знакомо. Я только видела, что это мужчина, рослый, спортивный, в черной или темной одежде. Он был напуган, он искал, где бы спрятаться, и этим выдавал, что ему здесь совсем не место.

Но укрыться ему не удалось: скоро послышались крики и какие-то глухие хлопки. Выстрелы?.. Мамочки, выстрелы! Мужчина упал, замер на дорожке, и его почти скрыли пышные ветви каштанов.

Я в ужасе отпрянула от окна, закрывая рот рукой, чтобы не закричать. Остатки сонливости как рукой сняло, сердце испуганно колотилось у меня в груди, всплеск адреналина наполнял меня энергией, призывал меня делать хоть что-то, бежать, не стоять на месте. Но что я могла сделать? И что должна была?

Когда первая волна страха отступила, появилось сомнение. Что если я все не так поняла? Могу ли я быть уверенной в том, что видела? Кого-то застрелили в нашем чудесном мирном саду – немыслимо! Скорее всего, мне просто почудилось…

Подбодрив себя этой мыслью, я медленно приблизилась к окну – и получила лучшее доказательство того, что ничего мне не почудилось. Дорожка не только не пустовала, на ней собралась большая группа мужчин, в которых я узнала охрану поместья. Они все носили маски, и я не знаю, был ли там Никита, но сейчас не это было главным.

Там действительно кого-то застрелили! Господи, что мне делать? Я ведь должна что-то делать, правда? А вдруг мне не полагалось видеть то, что я увидела? Меня теперь тоже пристрелят и закопают где-нибудь в этом бескрайнем саду, они ведь знают, что у меня нет родных и мое исчезновение никто не заметит!

Это были бредовые мысли, но разгар весенней ночи – самое плодотворное время для них. В темноте все страхи обнажаются, здравый смысл сдает позиции, уступая место панике. И инстинкты, и разум шептали мне, что нельзя отмалчиваться, необходимо вызвать полицию, это единственный правильный поступок. Но могла ли я так подставить всех, кто жил в поместье?

Пока я металась по своей спальне в сомнениях, все было решено за меня. В очередной раз выглянув в окно, я обнаружила, что теперь дорожка хорошо освещена переносными фонарями, а вокруг неподвижного тела мельтешат врачи и полицейские. Получается, пока я тут придумывала ужасы, охранники сами позвонили куда надо! Это несколько успокаивало меня.

Теперь уже я не могла оторваться от окна, но я выглядывала украдкой, прячась за штору, мне почему-то не хотелось, чтобы меня заметили. На мою удачу, никто на дом и не смотрел, все внимание было сосредоточено на темной фигуре.

Потом врачи забрали пострадавшего. Его уложили на носилки – но накрывать с головой не стали, значит, он еще был жив. На том месте, где он лежал, осталось зловещее темное пятно – кровь, конечно, хотя темнота меняла ее оттенок, делая почти черной. А потом пришел сонный

садовник и со странной бесцеремонностью смыл кровь потоком воды из обыкновенного шланга для полива цветов.

Той ночью я так и не смогла заснуть. Куда там! Мне потребовалось несколько часов, чтобы успокоиться, чтобы сердце не колотилось так отчаянно. Под утро я привела себя в порядок, но мне едва хватило мастерства, чтобы замаскировать косметикой темные круги под глазами. А скрыть покрасневший взгляд и вовсе было невозможно, этим я была удручающе похожа на кролика-альбиноса.

Я ожидала, что в ближайшие дни все разговоры в поместье будут посвящены ночному происшествию. Я присматривалась, прислушивалась – но ничего не могла уловить! Жизнь в усадьбе шла своим чередом. Обсуждались цветы, блюда, грядущая вечеринка и распродажи. О том, что этой ночью в саду стреляли, не говорил никто.

Может, они не знали об этом? А как они могли не знать? Возня в саду, машины «скорой» и полиции перед домом – неужели это укрылось от них? Да конечно! Не может быть, чтобы проснулась только я. Кто-то еще должен был увидеть, в таких коллективах достаточно одного человека, запускающего сплетню, – и все, ее уже не сдержать!

Но нет, ничего не случилось. Даже садовник был занят лишь тем, что подстригал кусты – с тем же равнодушием, с каким смывал кровь. Над поместьем нависло негласное соглашение о молчании, и это делало ситуацию, которая могла бы считаться несчастным случаем, совсем уж чудовищной.

Я не могла ничего поделать с их молчанием, но я твердо решила, что уж я-то молчать не стану!

* * *

– Я хочу знать, что здесь происходит!

– Ну во-о-от, – разочарованно протянул Никита. – А я решил, что тебе романтики захотелось! Моя версия, заметь, куда лучше и приятней для нас обоих.

Его предположение было не таким уж диким: когда пришло время ужина, я, ничего не объясняя, схватила Никиту за руку и уволокла его в заросли сирени. Теперь мы с ним оказались словно среди облаков: белых и переливающихся всеми оттенками фиолетового. Здесь было хорошо и спокойно, здесь царил непередаваемый нежный аромат, укрывавший нас невидимой дымкой, здесь хотелось наслаждаться жизнью и говорить только о жизни.

Но я вынуждена была настаивать на том, чтобы мы поговорили о смерти.

– Что случилось этой ночью?

Никита заметно помрачнел.

– Значит, ты все видела… А я думаю: чего ты сегодня какая-то дерганая?

Что ж, я не такая хорошая актриса, как мне казалось.

– Не меняй тему! – потребовала я. – Что это был за расстрел?!

– Никакой не расстрел, Ави, не выдумывай. Зачем тебе знать об этом? Тебя это не касается. Меньше знаешь – лучше спишь, не зря ведь умные люди говорят!

– Не смешно. Если я не пойму, что случилось этой ночью, я вообще спать не смогу!

– Это я уже понял, – вздохнул Никита. – А мне бы очень не хотелось, чтобы ты уехала. Особенно сейчас, когда все указывает на то, что тебе дадут постоянную работу!

Мне было приятно все это слышать, особенно от него. Но я была настолько взволнована, что не позволила похвале отвлечь себя.

– Расскажи мне, что это было, пожалуйста, – попросила я.

– Да, думаю, тебе нужно знать, иначе ты вся изведешься, особенно когда это повторится.

– Что?.. Это был не первый раз?

– И, боюсь, не последний. Но ты не переживай, это случается не очень часто, не раз в месяц даже, и тебя это точно не коснется!

Если он думал, что меня это утешит, то зря. Я все еще не могла смириться с одним расстрелом на садовой дорожке, а он намекнул, что это здесь чуть ли не привычное дело!

– Никита, ты можешь нормально объяснить?

– Могу попытаться, но ты ж знаешь – я не мастак со словами мудрить. Ты одно запомни: тут не было ничего противозаконного. Полиция обо всем знает, мы им всегда сообщаем.

– Да, полицию я видела. Ты мне все говоришь, чем это не было, а я тебя прошу рассказать, что это было!

– Все-таки докапываешься, придираешься к словам, – укоризненно заметил Никита. – Беда с тобой! А было это покушение на хозяина. Они, увы, случаются. Но это фигня! Никто из этих чертовых лунатиков своего не добьется, отвечаю! Пока я здесь работаю, хрен они до хозяина доберутся!

Я уже и не надеялась отучить его называть Гедеонова хозяином. Для Никиты это давно стало привычкой, в которой он не видел ничего особенного. Но сейчас его собачья преданность не умиляла меня, потому что она отвлекала его от сути.

Нужно было срочно возвращать его к тому разговору, ради которого мы и пришли сюда.

– Гедеонова хотят убить?

– Да. А ты думала, мир только хорошими людьми наполнен?

– Знаю я, чем он наполнен. Но я не знаю людей, на которых поквартально нападают!

– Чаще, – уточнил Никита.

– Ты такими подробностями меня не утешаешь!

– Да мне и не нужно тебя утешать, говорю же, это тебя не коснется. У нас все под контролем! Не веришь мне – спроси Васильевну: никогда еще никто из наших не пострадал, и до дома эти хорьки не добрались. И не доберутся!

Получается, Анастасия Васильевна была в курсе происходящего. Но об этом я как раз догадывалась: как ей о таком не знать? То, что она, бывшая учительница, добрейшей души человек, равнодушно относилась к покушениям, лишь усиливало мое изумление.

– Кто на него нападает?

– Разные люди, все зависит от причины, – пожал плечами Никита.

– А какие бывают причины?

Я чувствовала себя прокурором, проводящим допрос, но с Никитой иначе не получалось. Он действительно отмерял слова очень скупо и осторожно, их чуть ли не клещами вытягивать приходилось. Дело было даже не в том, что мы говорили о возможных тайнах Гедеонова. Это, скорее, было особенностью начальника охраны: любые разговоры он считал напрасной тратой времени и старался свести их к минимуму.

Но он отвечал мне, и уже это было хорошо.

– Самая главная причина – бизнес. Хозяин связан с такими суммами, которые мы с тобой и представить не можем! У него у самого куча денег, он из них такой вот дом, как это поместье, построить может, если захочет. А у его клиентов денег еще больше! Дофигищи – вот сколько. Понятно, что их конкуренты хотят убрать хозяина, он им как кость поперек горла. Эти, которые приходили ночью, как раз по бизнесу…

– «Эти»? – перебила я. Получилось не слишком вежливо, но я не смогла справиться с собой. – Их что, еще и несколько было?

– Ага. Семь на этот раз.

– Семь?!

– Бывало и больше. Те, которые по бизнесу, самые паскудные: у них хорошая подготовка, хорошее оружие. Но у нас все лучше!

Никита гордился собой и совершенно не боялся. Я просто не могла этого понять! Да, у поместья отличная охрана, готовая защищать своего хозяина любой ценой. Но где гарантия, что при нападении профессиональных наемников никто не пострадает? Может, не Гедеонов, но кто-то другой! А Никита вел себя так, будто эта гарантия у него была.

Я пока не готова была принять это, но решила обдумать все странности позже, а пока продолжила разговор:

– Хорошо, с бизнесом мы разобрались. Кто еще сюда приходит?

– Да идиоты всякие! Родственники его клиентов. Фанатики. Особенно тяжко весной и осенью, когда обострение начинается! Но ты не переживай, ты в безопасности, да и все мы.

– Как? – не выдержала я. – Как ты можешь считать, что ты в безопасности, и я, и все мы тут?

– Потому что я управляю охраной, я отвечаю за безопасность.

– Но даже ты не сможешь никого защитить от шальной пули!

– Я – нет, хозяин – да. Все всегда будет так, как он говорит.

На какой-то момент мне показалось, что он тоже сумасшедший, один из тех фанатиков, о которых он только что рассказывал. Но нет, теплые глаза Никиты, обращенные на меня, были спокойными и ясными.

– Я не понимаю тебя, – признала я.

– Потому что ты еще мало знаешь хозяина.

– По-моему, совсем не знаю! О нем мало говорят…

– Правила такие, – указал Никита. – С новичками о нем вообще не говорят, это запрещено. Но ты ведь не новичок! Ты останешься, я на это деньги поставить готов.

– Я не останусь, если не пойму, что здесь происходит. Никита, я не могу жить в месте, куда приходят пострелять по людям!

– Не малюй все это так, – поморщился он. – Все сводится к тому, что хозяин особенный: и нападения, и наше спасение.

– Все это потому, что он слепой? – растерялась я.

– Вот уж нет! С чего ты взяла?

– Ты сам заговорил про особенность…

– Не про эту! Хозяин видит – но не так, как мы с тобой, не так, как люди, вот в чем штука.

Я слушала его – и не могла поверить, не хотела верить в такое, а совсем не верить не получалось.

По версии начальника охраны, Владимир Гедеонов был ясновидящим. Правда, сам Никита облек эту новость в менее изящную форму: «он всегда смотрит не в сегодня, а в завтра, потому и слепой». Как у Гедеонова появились такие способности – никто не знал, когда он набирал нынешний штат прислуги, он уже был богат и знаменит в определенных кругах. Но он был способен увидеть и что будет через час, и что случится через десять лет.

С одной стороны, разумная и рациональная часть меня отказывалась в это верить. Я никогда не была склонна к мистике, а в чудеса верила разве что в детстве. Ясновидящих просто не существует! Если бы Гедеонов действительно обладал таким даром, он был бы известен на весь мир, а не ютился бы в этой глуши, разве нет?

С другой стороны, когда я допускала, что Никита, возможно, говорит правду, многое становилось на свои места. Вот зачем к нему ездили все те именитые и влиятельные клиенты! Слепота Гедеонова усложняла ему доступ к интернету и многим другим ресурсам, ему сложно было бы стать простым консультантом, ведь тогда ему потребовалась бы чья-то помощь, чтобы читать самые актуальные новости, а он всегда работал один. Обладание неким мистическим талантом это объясняло. Но был подвох: это просто невозможно!

Никита верил в способности Гедеонова, это чувствовалось. Он воспринимал хозяина поместья как некое особое существо, лишь внешне похожее на человека, но при этом стоящее

над людьми. Я эту веру разделить не могла – да и не хотела. Еще чего не хватало – творить себе кумира из самовлюбленного, эгоцентричного дядьки!

– Хозяин всегда знает, когда будет покушение, кто придет, – завершил свой рассказ Никита. – Он предупреждает нас об этом, говорит, где стать, какое оружие будет, чего ожидать. Обычно мы стараемся просто перехватывать этих крыс и сдавать их полиции. Иногда они, безмозглые, начинают сопротивляться, вот как этой ночью. Тогда приходится пострелять, а что делать? Но мы никогда никого не убивали, не было такого! Понимаешь теперь, почему тебе не о чем беспокоиться? Хозяина невозможно застать врасплох, он знает все еще до того, как это случится, и ко всему готов.

Вообще-то, мне было о чем беспокоиться: такая вера в величие Гедеонова настораживала. Но сказать об этом Никите я не могла, он бы меня просто не понял.

Вместо этого я поинтересовалась:

– Значит, все, кто приходит в дом, – ваша забота?

– Ага. Всякие наемники, сектанты, журналюги – мы их всех вышвыриваем. А ты живи тут спокойно, как остальные! Я тебе клянусь, что с тобой ничего не случится. Хозяин этого не допустит, а я – тем более. Ави, это хорошее место, тут ничего не происходит!

Заявление было, мягко говоря, спорным. Мне, только-только поверившей, что я нашла пусть и временный, но все же дом, предстояло снова пересмотреть это решение.

Меня не смущали паранормальные способности Гедеонова – в них я попросту не верила. Для себя я решила, что он – просто очень ловкий шулер, обманщик, но очаровательный обманщик – этакий Остап Бендер и Джей Гэтсби в одном флаконе. Или, может, еще какой-нибудь крупный мошенник, тут кто угодно подойдет. Он придумал себе некий мистический дар и теперь удачно разыгрывал эту карту. Да настолько удачно, что ему поверила целая толпа богатых и неглупых людей!

Нет, если меня что и настораживало, так это обожание, с которым к нему относился персонал. Я готова была работать в команде, а не входить в религиозную общину, пускающую слюни на мнимого оракула!

Поэтому следующие несколько дней я присматривалась и прислушивалась еще внимательней, чем в свои первые недели в поместье. Я пыталась понять, что здесь происходит на самом деле.

Но не происходило ничего особенного. Гедеонова любили – однако перед ним не преклонялись и уж точно не молились. Например, та же Анастасия Васильевна, смотревшая на него с обожанием, была при этом набожной христианкой и каждое воскресенье дисциплинированно отправлялась в церковь. Мартынов в свои редкие визиты и вовсе держался с ним на равных! Да и Никита, восхищавшийся им, общался с Гедеоновым вполне свободно, как со старым другом, а не снизошедшим до людей богом.

Так что я постепенно расслабилась. В поместье не происходило ничего страшного. Какую бы аферу ни проворачивал тут Гедеонов, она никому не приносила вреда и исправно работала уже не первый год. Страдали разве что те, кто пытался его убить – но они-то сами нарывались, вот честно! И с ними действительно справлялась охрана. Мы, простые обитатели поместья, были защищены не хуже, чем Гедеонов.

Я сделала то, что сначала казалось мне невозможным: я закрыла глаза и на эти ночные набеги, и на сомнительную репутацию Гедеонова. Я слишком ценила свою новую жизнь, чтобы отказаться от нее так просто.

* * *

Флорист приходила раз в неделю, и я любила эти дни, когда она неспешно составляла букеты, а я сопровождала ее во всех комнатах. До ее первого визита я, если честно, лелеяла

честолюбивую надежду, что она окажется унылой теткой, делающей шаблонные букеты, и я смогу превзойти ее во всем.

Но нет, она была мастером – и куда лучшим, чем я, пару лет повозившаяся с цветами в обычном магазинчике. Каждый ее букет был произведением искусства, удивительным и неповторимым. Я быстро смирилась с этим, потому что смириться оказалось несложно, слишком уж красивыми были результаты ее трудов, а к красоте у меня слабость, которой я не стыжусь. Если я вижу перед собой что-то красивое, я могу долго это разглядывать, забывая обо всем на свете. Поэтому вместо того, чтобы завидовать ей, я училась у нее, я запоминала, как она сочетает цветы, травы и ветки, надеясь однажды повторять это так же искусно.

– Главный враг искусства – это зашоренность, ограниченность мышления, – рассуждала она, перебирая нежные стебли. – Многие до сих пор думают, что в букете цветов должны быть только цветы. Но разве это не банально? В букете может быть что угодно, лишь бы это смотрелось гармонично.

Она, немолодая уже женщина, все делала медленно, обстоятельно. Обычно ее визиты занимали весь день, и я ходила за ней хвостиком, забывая о других своих обязанностях. На мою удачу, работа в доме уже была налажена так идеально, что это не приносило мне неприятностей.

Сопровождая флориста, я впервые попала в кабинет Гедеонова. В свою спальню он никого не пускал, кроме одной молчаливой горничной, а вот в его кабинете свежие цветы всегда были.

Ничего демонического или потустороннего в этом кабинете не оказалось. Это был очень просторный зал – побольше гостиных в известных мне квартирах. Одну его половину занимал массивный письменный стол, окруженный креслами, другую – камин, у которого расположились диваны и журнальный столик. Окна кабинета, как и окна моей комнаты, выходили на вечно цветущий сад.

Сначала флорист держалась со мной холодно, видимо, проверяя, задержусь я в поместье или нет. Но уже на пятой встрече она начала оттаивать и говорить не только о цветах.

– Владимир Викторович – один из моих любимых клиентов, – признала она, обходя бескрайние теплицы в поисках нужных цветов.

– Почему?

– Потому что только он дает мне свободу действия. Здесь не ограничен бюджет, и я могу делать то, что мне хочется. Знали бы вы, как мучительно после этого составлять букеты с блестками и искусственными бабочками для других клиентов!

Это я могла представить. Когда знаешь, что такое красота, возвращаться к безвкусице как-то тоскливо.

– А вы давно здесь работаете? – полюбопытствовала я.

– Около пяти лет. Владимир Викторович придает цветам очень большое значение: лучшего сада я ни у кого не видела, а в его доме постоянно должны быть живые цветы.

Она не сказала ничего нового, все это я знала и так, но что-то в ее словах задело меня. Так иногда бывает: незначительная мелочь заставляет по-другому взглянуть на то, что раньше казалось тебе обычным.

Гедеонов искренне любил свой сад, он проводил там большую часть свободного времени. И он любил цветы – не зря же он платил флористу гонорар, сравнимый с бюджетом маленькой страны! Но мог ли он наслаждаться их красотой так, как мы? Мог ли оценить эту удивительную игру оттенков, контраст текстур, сочетание форм? Вряд ли. Тогда зачем ему все эти букеты?

Флорист уже закончила работу, а я остановилась рядом с букетом и закрыла глаза. Темнота перед моими глазами не была кромешной, даже через сомкнутые веки прорывался свет дня. И все-таки для меня в тот момент не было разницы, стол передо мной или произведение искусства.

Цветов во тьме не было, но был их запах. Чем дольше я стояла с закрытыми глазами, тем четче он становился. Он заполнял эту комнату, он становился ее частью и делал ее особенной, не похожей на остальные, где стояли другие цветы.

Так может и я, и флорист, работавшая на Гедеонова уже пять лет, поняли его неправильно? Он и не объяснил – то ли не хотел, то ли сам не до конца понимал, что именно ему нужно. Я все больше укреплялась во мнении, что эти цветы он заказывал не для гостей, как думали все вокруг, а для себя. Их аромат был его стихией, запах разных цветов точно так же разграничивал для него комнаты, как для меня – интерьер этих комнат.

Но если так, то флориста несло совсем не в ту сторону. Она была художником, а не парфюмером. Собранные ею букеты были великолепны, уникальны, неподражаемы, но пахли они чаще всего одинаково сладко. А она, в истинно медвежьей услуге, еще и опрыскивала их ароматизатором, чтобы «придать им свежести». В итоге рядом с букетами порой витал запах типичного цветочного магазина.

Я не стала говорить ей о своем открытии, потому что и сама еще не была ни в чем уверена, я боялась ее задеть. Но теперь эта мысль не оставляла меня, и я решила кое-что попробовать, на свой страх и риск.

Проводив флориста, я не приступила к осмотру дома, как обычно, а вернулась в теплицы. *Я* волновалась, потому что не была уверена, что поступаю правильно, однако отказаться от этой идеи уже не могла.

Впервые в жизни я составляла букет исключительно по запаху и не знала, с чего начать. Тогда я подумала о Гедеонове: что ему нужно? Пожалуй, успокоиться: он сегодня носится весь день, то с одними клиентами, то с другими, то с третьими, мы еле успели поставить в его кабинет цветы, и нас тут же выгнали! Пускай хоть немного расслабится.

К этому моменту я свыклась с Гедеоновым. Я не одобряла тот обман, в котором он жил, называясь ясновидящим, но больше не осуждала его. Я видела, что он, по сути, неплохой человек. Под его ворчанием, а порой и неприкрытым хамством таилась порядочность, которая или достается от природы, или нет. Он давал своим сотрудникам возможность хорошо зарабатывать и требовал за это только честную работу, его строгие правила вели к нормальной обстановке в доме, он никого не подставлял и не унижал. Так что у меня хватало причин для симпатии к нему и желания его порадовать.

Я подошла к кустам лаванды и срезала несколько десятков тонких веточек; начало было положено. Едва почувствовав этот запах, я точно поняла: это именно то, что нужно. Аромат был холодным и свежим, как прохлада тени в жаркий день, чуть пряным, простым и честным. Он обволакивал и расслаблял, он дарил ощущение покоя прованских полей и тихих холмов. Может, этого и достаточно?.. Нет, слишком просто для Гедеонова, он не оценит!

Я уложила лаванду на стол и добавила к ней пару веточек мяты, только что срезанных с грядки. Я даже чуть размяла пальцами их листья, чтобы усилить аромат. И если прохлада лаванды была прохладой тени, то мята дарила иную свежесть: это был легкий искристый ручеек в той самой тени. Два аромата идеально сливались, я не хотела ничего менять.

Но не хотела и останавливаться на этом, мне казалось, что теперь рядом с букетом слишком холодно. Нужно было чем-то уравновесить это, не сбивая гармонию, вот только чем?

Решение пришло внезапно, само собой, и я выбежала в сад, чтобы срезать большую пушистую ветку можжевельника. Вот оно, то тепло, та легкая смесь сладости и горечи, которую я искала! Ветка послужила основой букета, вокруг которой я сложила лаванду и мяту, а потом перевязала атласной лентой.

Этот букет не мог соперничать с творениями флориста. В нем была простота, уступающая тем цветочным скульптурам, пожалуй, даже убогая рядом с ними. Но я уже была влюблена в этот букет, я вдыхала этот запах, и он был таким насыщенным, что от него приятно кружилась голова – как от не слишком крепкого вина.

Я не стала заменять своим творением работы флориста, это было бы нечестно и даже подло. Вместо этого я отдала вазу с цветами горничной, которая убирала спальню Гедеонова.

– Но туда не ставят цветы! – напомнила она. – Хозяин мне таких распоряжений не давал!

Я уже свыклась с тем, что хозяином его тут называли все, кроме меня. Исправить их мне вряд ли когда-либо удастся – но от меня он точно такого не дождется!

– Все в порядке, отнесите.

– Но…

– Под мою ответственность, – строго заявила я. За недели, проведенные в поместье, я научилась быть строгой.

Она не стала спорить, все сложилось, и обратного пути не было.

Теперь, когда вдохновение и энтузиазм школьной отличницы отступили, я была уже не так уверена в том, что сделала. Я застеснялась этого порыва! Кто меня просил об этих поделках? Это же глупо! Я даже немного испугалась: что если Гедеонов воспримет это как нарушение правил, и я потеряю отличную работу?

Я успокаивала себя тем, что это сущая мелочь. Гедеонов, должно быть, решит, что произошла досадная ошибка, выкинет эту вонючку, а горничной прикажет ничего больше не таскать в его спальню. Вот и все, нет беды, это пройдет мимо меня. Однако успокоение было слабеньким, и весь вечер я провела на нервах.

После ужина я повеселела, решив, что раз мне не досталось до сих пор, то уже и не достанется. Букет стоит в спальне несколько часов, Гедеонов там бывал, скандал не разразился, все, точка!

Оказалось, что не точка, а запятая. Около одиннадцати вечера мне было велено явиться в его спальню. Меня смущали и время, и место этого разговора.

Но беспокоилась я зря: Гедеонов встречал меня в том же безупречном деловом костюме, в котором проводил переговоры, и стоял он не у кровати, а у окна. Его спальня была очень скромной: кровать, пусть и большая, тумбочка рядом с ней, и книжная полка на всю стену. На обложках тех книг, которые я могла разглядеть от входа, тиснение было выполнено шрифтом Брайля, и это было самое впечатляющее собрание таких книг на моей памяти – их тут были сотни, если не тысячи!

Чего комнате не хватало, так это света. Здесь была всего одна лампа в стеклянном абажуре – думаю, не для самого Гедеонова, а для его гостей. Точнее, гостий.

Сделанный мной букет стоял на тумбочке у постели. Его аромат уже заполнил все вокруг, как доказательство моей вины.

На этот раз Гедеонов стоял лицом ко мне, но игра теней надежно прятала его глаза, и за это я была благодарна.

– Как вам тут нравится, Августа Стефановна? – поинтересовался он. От этого голоса в майскую ночь рвалась январская метель.

– Здесь очень хорошо, спасибо.

Я вся сжалась перед ним, как ребенок перед строгим отцом. Гедеонов не видел этого, но наверняка слышал в моем голосе – тут кто угодно бы услышал!

– Я вижу, вы освоились. Есть такое? Мне сказали, вы уже справляетесь без посторонней помощи.

– Да, я стремлюсь к этому, – подтвердила я.

– Я вам верю. Ведь если бы вы не освоились, у вас не дошло бы дело до непрошеного творчества.

Ну вот, приплыли.

– Извините.

– За что вы извиняетесь? – равнодушно осведомился Гедеонов.

– За то, что сделала то, о чем меня не просили.

– Это инициатива, и она в моем доме не наказывается. Лучше скажите мне, кто подсказал вам эту идею.

– Никто.

– Вы все придумали и сделали сами?

– Да. Это было несложно: букет очень простой, а я раньше занималась флористикой.

– Он совсем не простой, не кокетничайте, – усмехнулся Гедеонов. – Он гораздо сложнее всего, что появлялось за эти годы в моем доме. Почему именно сегодня, Августа Стефановна?

– Я не знаю… Просто так получилось, мне захотелось…

Понимаю, когда кто-то мямлит, это звучит неубедительно. Но иначе у меня не получалось, Гедеонов словно давил на меня. Это его непроницаемое лицо, мертвый взгляд… ну почему нельзя надеть очки?

Я быстро замолчала, понимая, что мои объяснения ему и так известны безо всякого ясновидения. Я ждала его решения.

Он не улыбнулся мне, и его голос звучал все так же отрешенно.

– Это была удачная инициатива. Вы продолжите приглашать флориста, но теперь вы каждую неделю будете делать вместе с ней один букет и отправлять его в мою спальню с горничной. Вам входить сюда запрещено. Букет должен быть составлен по тому же принципу, что и этот, но не быть таким же. Надеюсь, вы понимаете, о чем я.

– Да, я понимаю…

– Вот и славно. Можете быть свободны, уже поздно.

Я вышла оттуда, пытаясь понять, что это вообще было. Меня будто облили шампанским – дорогущим, французским… Но какой от этого толк, если его вылили мне на голову?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.